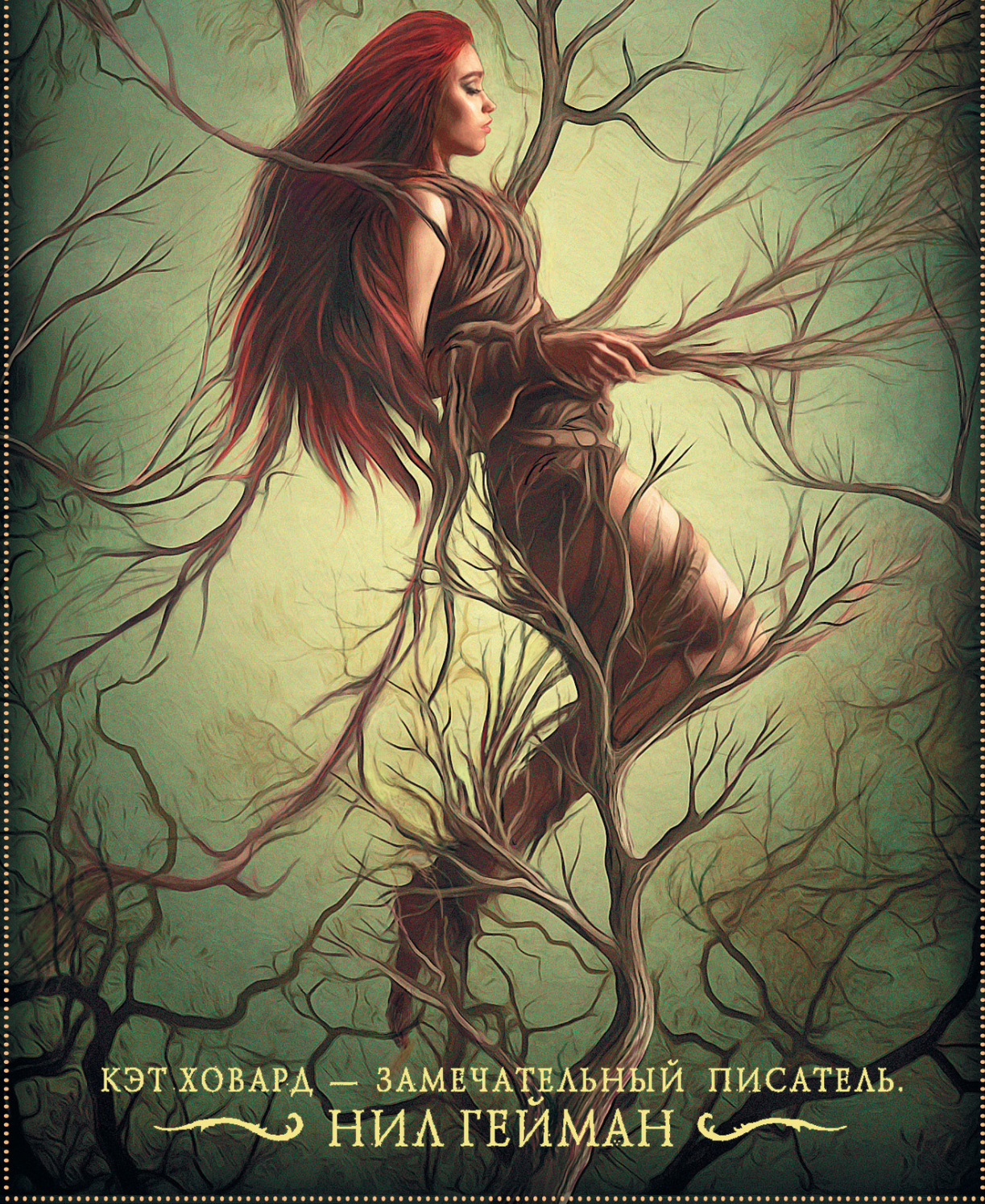

КЭТ ХОВАРД
БЕССЕРДЕЧИЕ
МАГОВ

КЭТ ХОВАРД — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.
НИЛ ГЕЙМАН

Мастера магического реализма (АСТ)

Кэт Ховард

Бессердечие магов

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Ховард К.

Бессердечие магов / К. Ховард — «Издательство АСТ»,
2017 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-112782-4

В Нью-Йорке магия контролирует всё. Но ее сила слабеет. И никто не знает, что происходит. Кроме Сидни — нового, неизвестного мага невероятной силы, равной которой не было несколько десятилетий. И возможно, она единственная, кто может остановить тьму, которая ослабляет магию. Вот только Сидни не хочет помогать системе — она хочет ее разрушить.

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112782-4

© Ховард К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кэт Ховард

Бессердечие магов

Kat Howard

AN UNKINDNESS OF MAGICIANS

Published by arrangement with Saga Press, an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Russian language copyright © 2019 by AST Publishers

Original English language edition copyright © 2017 by Kathleen Howard

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

В этой удивительной книге – магия, последствия принятых решений и то, что случается, когда лучше сражаться, чем уклониться от боя. Это магическая притча. Цена, которую надо заплатить. История, которую другие забыли рассказать.

Фрэн Уайльд

Живые персонажи и отточенный стиль создают напряжение и невероятную привлекательность. <...> Эта книга действительно хороша. Серьезно. Вам стоит ее прочитать.

Locus

*Моим родителям, которые помогли мне удержать душу в теле,
пока создавалась эта книга*

*От мощных этих чар я отрекаюсь.
Уильям Шекспир, «Буря»
(перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)*

Глава 1

Молодая женщина рассекала толпу на нью-йоркском тротуаре, словно нож. Высокая, благодаря шпилькам на красной подошве, в черной одежде, окутавшей ее, словно дым, черные волосы с красными кончиками резкими углами очерчивали ее лицо. Она вроде бы была из тех женщин, ради которых люди останавливаются, чтобы поглазеть – кого замечают.

Никто ее не замечал.

Шагая по Уолл-стрит в сторону возвышающейся впереди церкви Троицы, она скользила среди служащих и туристов, словно невидимая, не привлекая взглядов, не вызывая окликов «эй, детка!»... На нее даже случайно не наткнулись в толпе. Она могла быть призраком. Тенью.

Неистовое солнце, жестко-синее небо – безоблачное, только вспыхивающее кое-где отражениями. Жара уходящего лета плавилась соленый пот и густой одеколон, смешивая их с гулом лотков на тротуаре. Ясный день, почти обычный.

Женщина остановилась на углу улицы. Ее темно-серые глаза быстро скользнули по неприметному окну одного из небоскребов, словно желая убедиться, что там есть наблюдатель. Уголки ее губ, алых, как кровь, чуть приподнялись – и Сидни шагнула с бордюра на проезжую часть.

Казалось, ни машины, ни их водители не замечают ее присутствия.

Сидни вышла в центр перекрестка и вскинула руки, словно дирижер перед началом симфонии. Она стояла неподвижно на протяжении одного вдоха. Двух. Трех. Если бы в этом стремительном городе были глаза, способные ее видеть, они разглядели бы шевеление губ.

А потом...

Машины вокруг нее, все как одна, легко поднялись в воздух.

Сидни держала их там – проржавевшие такси и блестящие черные седаны с затемненными окнами, фургончики магазинов и экскурсионные автобусы, надрывающиеся первыми аккордами очередного хита с Бродвея. В трех метрах над землей они плыли над перекрестком, словно странная стая перелетных птиц. По ее лицу расплывалась улыбка, яркая и иступленная. Если бы люди в машинах могли эту улыбку увидеть, то назвали бы ее торжеством. Назвали бы восторгом.

Люди в машинах ее не видели. Ни гудков, ни проклятий от водителей. Никакого потрясения – никакой реакции – ни от людей в полетевших машинах, ни от прохожих. Просто полет – там, где ему не было места.

Сидни переправляла машины через перекресток – по воздуху – словами, лаконичными точными жестами, которые складывали ее пальцы и ладони в строгое оригами, и делала это без видимых усилий.

А потом...

Ее руки замерли. Остановились на один вздох. Два. Три. Она опустила руки вниз – и машины моментально вернулись на улицу с такой же легкостью, с какой ее покинули. Поток уличного движения не прервался. Сидни ушла с перекрестка и снова влилась в толпу. Никто на нее не оборачивался. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

Она еще не прошла и квартала, когда ее мобильник, завибрировав, получил текстовое сообщение: «Место ваше».

* * *

Сообщение, с которого все началось, приходило по-разному. Электронной почтой. Текстом. Отпечатанной черным по белому официальной бумагой. Написанными от руки ализари-

новыми чернилами письмами в конвертах с сургучной печатью. Но независимо от носителя слова в каждом случае были одними и теми же:

«Колесо Фортуны начало свое вращение. Когда оно остановится, все обновится».

Если же получатель не был магом, членом Невидимого Мира, и каким-то образом ухитрился заполучить одно из этих посланий, оно выглядело бы пустяком. Бумажкой из печенья с предсказанием, глюком электронной почты. Неинтересным и не стоящим внимания.

Миранда Просперо была магом и прекрасно понимала, что именно попало к ней на стол. Сюрприз – и отнюдь не приятный.

Миранде, серьезной и элегантной женщине лет под шестьдесят, досталось одно из тех лиц, черты которого кажутся слишком резкими, чтобы быть красивыми, пока годы их не сгладят. Теперь она носила одежду и макияж, словно доспехи – такой же щит и маску, как и те, которые могла наколдовать. Они поддерживали ее тщательно выверенный образ.

Холодный утренний свет заливал стены кабинета, где она сидела за старинным изящным письменным столом из палисандра. Она прикоснулась к бумаге кончиками пальцев. Полоснув воздух над письмом крест-накрест, она произнесла слова, отзвук которых оказался резким и пронзительным. Послание выглядело подлинным, в нем была заключена магия – магия, которая должна быть неприкосновенной и тщательно защищенной от любого влияния и которая не позволила бы такому посланию уйти по ошибке. Обычно между такими посланиями проходило не меньше двадцати лет. Однако на этот раз – всего тринадцать, едва ли половина жизни одного поколения.

Ну что ж. Тринадцать лет, пять месяцев, одна неделя и четыре дня. Миранда хорошо знала обстоятельства предыдущего Поворота. Они во многом ее сформировали.

Вспышка света – и над бумагой вспарил символ: *Rota Fortunae*. Слепая Фортуна, вращающая колесо.

Значит, написанное – правда.

Миранду охватил страх, его крошечные колючие зубцы жадно впились в ее сердце. Существовали причины, по которым Поворот мог снова начаться так скоро. И среди них не было радостных.

Миранда была готова. Она готовилась все дни этих последних тринадцати с чем-то лет, но надеялась на большой промежуток времени. Она сделала все возможное для того, чтобы Просперо был сильным Домом. С хорошей позицией. Достаточно устоявшийся и влиятельный Дом, чтобы она без труда нашла того, кто захочет его представлять.

Она прижала пальцы к вискам, а потом положила руки на столешницу. Теперь она знает, что подразумевает Поворот, правила и ставки – она через все это уже проходила, – однако в деталях таится дьявол, и уж здесь-то тем более. И потому она читала:

«Любой Дом может заключить контракт на участие с кем-либо. Любой такой защитник по контракту будет считаться членом Дома со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями на все время действия данного контракта. После заключения контракта защитник не может быть заменен. Дом, который не заключил стороннего контракта на участие, принимает все без исключения последствия для своих членов, включая смерть и исчезновение, и отказывается от мицения вне рамок дозволенных вызовов. Действия защитника, согласно контракту или без него, в ходе дуэли являются окончательными.

Дом, который вследствие действий любого члена, по Крови или по Контракту, привлекает к Невидимому Миру внимание простаков, будет уничтожен. Любой Дом, отказавшийся от участия, будет уничтожен. Злокозненное вмешательство в начавшийся поединок может привести к лишению мага магии или уничтожению вмешавшегося Дома».

Миранда скривилась. Все это будет принято настолько же всерьез, как и всегда: первое крупное нарушение одного из правил будет совершено еще до окончания первой недели, если не до окончания первой же дуэли, а потом кто-то в первый раз отмахнется от этого нарушения, моментально сославшись на нечто вроде «Но колесо Фортуны и правда вращается». Невидимый Мир любит правила – но только покуда они ему удобны.

«Любой Дом, чей защитник по Крови или по Контракту умрет во время дуэли, освобождается от очередной жертвы, причитающейся Дому Теней.

Дом, занимающий первую позицию к моменту окончания Поворота, встанет во главе Невидимого Мира».

А вот эти последние несколько пунктов будут соблюдаться вне зависимости от их удобства. Потому что за всей этой помпой и блеском именно эти немногочисленные пункты и были смыслом Поворота.

Все как ожидалось. Все условия обычны. Никаких сюрпризов. Они появятся в ходе самого Поворота. Так всегда бывает.

Миранда снова сложила письмо – точно по прежним линиям сгиба – и отложила в сторону. Дом Просперо не нарушит традиции и заключит контракт с защитником. Всегда найдется те, кто готов обменять опасности, связанные с Поворотом, на достаточно большую денежную сумму или обещание членства в Доме. Она достала файлы – данные, которые вела на способных младших сыновей и дочерей, на талантливых кузенов, не имеющих надежды получить Дом в наследство. Запрятав подальше холодный ком страха, угнездившийся в груди, она взялась за составление планов.

* * *

– Твоя матушка, – сказал Лоран, – обгадит свой туалет от Шанель, когда узнает, что ты задумал.

– Если ты о Миранде, то я больше ей не сын, так что сомневаюсь, что она станет что-то делать – может, только предупредит нанятого защитника, что я – очередное препятствие, которое следует устранить в ее гонке за властью. – Грей налил им обоим виски с густым ароматом дыма и торфа и вернул бутылку на барную тележку. – Будем здоровы.

Они сидели за длинным стильным столом у Лорана в квартире. Стекло, металл, гранит и светлое дерево – достаточно высоко, чтобы огни и шум Нью-Йорка были кадрами немого кинофильма где-то внизу. Лорану особенно хорошо давалась магия, связанная с удачей и вероятностями, и, объединив ее с умениями обычного мира, он превратил это в очень удачный портфель инвестиций.

– Думаешь? – усомнился Лоран. – Даже когда узнает, что ты сам за себя выступаешь? То есть – в какой-то момент дуэли идут на смерть. Я знаю, вы не разговариваете, но ты и правда считаешь, что риск твоей смерти ее не будет волновать?

Пять лет назад Лоран купил своим родителям домик на северо-западном берегу Тихого океана, в паре часов к северу от Сиэтла. «Лес и вода, вот чего я хочу», – всегда говорил его отец. Мама добавляла, что ей хотелось бы еще и внуков, которых можно будет баловать: «И, конечно, тут достаточно места, чтобы ты приезжал к нам в гости». Он сказал им, что начнет с леса и воды – и тот день, когда он вложил им в руки ключи, стал для него одним из самых счастливых. Жизнь на противоположных сторонах континента и дела не позволяли ему видиться с родителями чаще одного-двух раз в год, но они друг друга любили. Он не мог себе представить, чтобы мать или отец хладнокровно сказали кому-то, что он просто препятствие.

– Если она опустится до того, чтобы вообще со мной об этом говорить, то просто напомнит, что... – тут голос Грея изменился, став пародией интонаций и голоса Миранды, – ...у меня было превосходное и гарантированное место в качестве наследника Дома Просперо, и то, что теперь у меня его нет – это результат исключительно моей собственной глупости. Я обещал, что приму последствия моих поступков – а это не что иное, как все те же результаты.

Он ухмыльнулся и сделал еще глоток.

Лоран рассмеялся.

– Твоя матушка – это нечто.

– Поверь, – отозвался Грей, – уж я-то знаю.

Она лишила его наследства три года назад. Эта процедура была бескровной – росчерки перьев на бумагах, пересылаемых из кабинета в кабинет.

Разрыв начался из-за магии. Грею нравилось раздвигать границы, искать доступ к силе в таких местах, куда Миранда не заглядывала, ибо втайне была консерватором. Она решила, что он зашел слишком далеко – и потому забрала у него все.

С тех пор они не разговаривали.

– О, раз уж мы заговорили о твоей родне... – сказал Лоран.

– А без этого нельзя?

Грей отодвинулся вместе с креслом.

– Я тут на днях столкнулся в центре с твоей кухней Мэдисон. Хорошо выглядела. Мы вместе выпили кофе.

– О, настолько хорошо выглядела? – осклабился Грей.

– Не все и не всегда сводится к траху, бабник.

Лоран покачал головой с наигранным неодобрением.

– Ага, но как правило сводится. Ну и как она? Не видел ее после того, как она закончила учебу.

– Говорит, что недавно стала партнером в крупной адвокатской конторе... Кажется, «Веллингтон и Кетчем».

– Хорошая контора. Дом Просперо пользуется ее услугами. На самом деле, наверное, потому она там и оказалась. Почти у всех Домов есть свои люди, чтобы блюсти их интересы в обычном мире. И лучше, если это родня. Они понимают, насколько важна магия, и не жалуются на секретность.

Говорить о таком было не принято – но такое случалось. Время от времени появлялись члены Домов, оказавшиеся недостаточно сильными магами, чтобы сохранить членство в Невидимом Мире, или решавшие отречься от магии. Их изгоняли – но не слишком далеко. Пусть Невидимый Мир и хранил тайны от мира обычного, однако сознавал, что все равно остается его частью, – и кому-то нужно было вести там дела.

– Она спросила насчет Поворота и, похоже, не удивилась, что ты участвуешь, – сказал Лоран.

– Не подумал бы, что ей такое может быть интересно. – Грей равнодушно пожал плечами и допил виски. – Ты нашел защитника?

– Кажется, да.

– Кажется? – Грей налил себе еще виски и протянул бутылку Лорану, но тот покачал головой. – Все скоро начнется. Тебе надо кого-то выставить. Если только ты не передумал и не решил сам себя представлять. У тебя ведь хватило бы таланта и смелости, чтобы справиться.

Лоран хмыкнул.

– Спасибо. Нет, я по-прежнему хочу посмотреть на все это, прежде чем пытаться самому, так что защитник будет. Только она еще не подписала контракт.

– И ты на самом деле сомневаешься, подпишет ли? Может, тебе стоило бы пригласить ее сюда и впечатлить своими возможностями?

Грей махнул в сторону окна, где огни города сверкали, словно драгоценные камни на бархате.

– Ха-ха. Дело не в этом – по-моему, она довольна теми условиями, которые я ей предложил, но она достаточно хороша, чтобы выбирать. Больше чем просто хороша. – Лоран провел ладонью по коротко стриженным черным волосам. – Чары у нее были просто поразительные: сложные, тонкие и полностью скрытые от простаков. Даже от тех, кто под них попал. Никогда и ни у кого не видел такой магии. И она просто вошла и вышла из чар, словно творит такое каждый вторник.

Лицо Грея застыло.

– Напомни мне еще раз, откуда она?

– А я и не говорил. Она безДомная.

– Чужачка с такой силищей? Это будет интересно, – отметил Грей. – Нам всем будет о чем поговорить, помимо того, насколько быстро наступил этот Поворот. Я считал, что до него еще лет десять, не меньше.

– Другого способа стать Домами для нас обоих нет, – ответил Лоран. – Даже лучше, что это случилось сейчас.

– Не спорю, – согласился Грей. – Надоело ждать.

Он ждал уже три года – и с каждым днем его терпение все убывало. Давным-давно пора.

– И потом, – ухмыльнулся Лоран, – чудовищная магическая схватка? Это будет весело.

Высоко над городом они выпили друг за друга, за свои возможности и вращение Колеса Фортуны.

* * *

Далеко не в первый раз Харпер Дуглас мечтала о более сильной магии. Хоть о какой-то магии, на самом деле, помимо способности зажечь свечу одним словом. Для этого ей, по правде говоря, требовалось больше усилий, чем для того, чтобы зажечь спичку – и к тому же все заканчивалось жуткой головной болью.

Она видела женщину с красно-черными волосами – ту, которую больше никто, вроде бы, не заметил. Она смотрела, как та идет по тротуару, а потом выходит на проезжую часть. Наблюдая за движением незнакомки, Харпер почувствовала головокружение, а потом и сильнейшую тошноту, однако не выпускала ее из вида, пока та не шагнула на перекресток – потому что знала, о чем говорит это тошнотворное головокружение. Оно означало, что она подобралась совсем близко.

А потом Харпер почувствовала магию той женщины: тускло-бронзовый электрический привкус во рту – но ей не хватило силы, чтобы увидеть само заклинание. Она попыталась подобраться ближе, но сила незнакомки ударила по ней, словно волна прилива.

Ошеломленная Харпер рухнула у входа в винный погребок. Открыв глаза, она почувствовала, что левым локтем попала во что-то вязкое. Она попыталась сесть.

– Выглядите очень плохо. Не шевелитесь. – Рядом с ней присела на корточки пожилая русская. Пошарив в матерчатой сумке, она вручила Харпер пластиковую бутылку с апельсиновым соком. – Попейте.

– Вы ее видели? – спросила Харпер.

Она была так близко! Во рту у нее все еще оставался привкус электричества.

– Видела кого? Кто-то с тобой такое сделал?

Женщина моментально принялась оглядываться.

– Нет-нет. Мне никто ничего не делал. Мне просто показалось, что я кого-то увидела. Известную персону.

А вот ее спасительница не могла увидеть ту женщину – если, конечно, не принадлежала Невидимому Миру... но и тогда все равно ни за что не стала бы рассказывать об увиденном Харпер.

– Ты головой ударилась? Тебе поэтому что-то чудится? Врача позвать?

Глаза прищурены, губы поджаты.

– Нет, этого достаточно. Спасибо вам, – проговорила Харпер между жадными глотками сока.

Она почувствовала, как в крови появляется сахар, руки перестают дрожать.

– Вы опять собираетесь упасть? – немолодая женщина спрашивала тоном, который ясно говорил о том, что Харпер следовало бы принять решение получше, чем падение на тротуар.

– Нет, мэм. Мне гораздо лучше. Позвольте, я отдам вам деньги за сок.

Та оттолкнула руку Харпер.

– Кто тебя воспитывал? За доброту деньги не платят. Просто говорят спасибо.

– Спасибо вам. Большое.

Харпер поднялась с тротуара, с отвращением отодрала от рукава недоеденный кем-то пончик с кремом и направилась туда, куда вроде бы ушла та магесса – в сторону громадных бронзовых дверей церкви Троицы.

Пусто. Даже намек на магию не осталось... не то чтобы Харпер ожидала чего-то иного. Если маг не хочет быть замеченным простаками, они его не замечают. И хоть Харпер и удалось пробиться к самой крошечной капле магии, она определенно оставалась простаком. Она еще раз повернулась вокруг своей оси, внимательно присматриваясь, просто на всякий случай, а потом спустилась на станцию метро «Уолл-стрит», к грохочущим поездам.

Близко. Она была так близко! Если ей удастся подступиться еще ближе, она сможет пробраться в Невидимый Мир. И тогда обещание будет выполнено.

* * *

Как только Сидни перешагнула через порог своего дома, покрывало магии, которым она себя окутала, слетело – и она снова стала видимой для окружающих.

– Какие-то сообщения были, Генри?

– Сегодня нет, мисс.

Она улыбнулась в знак благодарности и поднялась на лифте на седьмой этаж. Сидни специально поселилась в обычном здании: никому из Невидимого Мира и в голову не пришло бы искать ее здесь. Снобизм был настолько же полезен, насколько и предсказуем: она установила несколько охранных чар, когда переехала сюда полгода назад – и за это время их никто не тронул и уж тем более не снял.

Она закрыла дверь, заперла ее и, скинув туфли, перекатилась несколько раз с пятки на мысок, избавляясь от боли в ступнях. Вытащив из кармана телефон, она отправила Лорану сообщение с согласием.

Дело сделано. Босиком Сидни прошла к кухонному островку и налила в бокал темно-красного вина. Она запустила колесики механизма. Не Колеса Фортуны – ее бесили атрибуты и условности Невидимого Мира – а своего собственного.

Она сделала глоток вина, наслаждаясь разливающимся внутри теплом. Возможность позволить себе удовольствия – даже такие мелкие, как бокал вина, тогда, когда ей захочется, – все еще была в новинку. Как нечто такое, чего она добилась немалыми усилиями, и потому все еще наслаждалась возможностью себя побаловать.

Работать на Лорана будет хорошо. Выбирая Дом, она надеялась найти чужака. Кого-то, кто еще не утвердился, кто все еще не считает все грязные тайны Невидимого Мира абсолют-

ной истиной. Кого-то, кто смог бы посмотреть на вещи так, как она, – возможно, даже стать союзником.

Она собралась вытащить все эти тайны из темноты на свет божий – и пусть, если понадобится, это будет свет от пожара, которым она сожжет Невидимый Мир дотла.

Она подняла бокал, чтобы выпить за его гибель.

Внезапно ее затрясло. Вино плеснуло через край бокала, роняя капли – красные, словно кровь. Боль тупым ножом вонзилась в запястья и плечи, и она почувствовала сосущую пустоту, как при лихорадке. Кожа покрылась капельками пота.

Такой была цена сегодняшней магии.

Сидни поставила бокал и задышала прямо в дрожь, в боль, в пустоты костей. Она сосредотачивалась на этом, пока не овладела собой: боль не ушла, но стала осознана. Она привыкла к осознанию боли. Время и опыт сделали это ее особым умением. Недрогнувшей рукой она снова взяла бокал, теперь держа его ровно.

Она выпила вино.

Глава 2

В 00.01, когда праздничный тост уже давно стал перевернутым бокалом на сушилке, Сидни стояла в Центральном парке, на южном берегу водохранилища. Одним прикосновением ногтя на большом пальце она зажигала спички. Одну, вторую, третью.

Не успел рассеяться дым от последней, как из темной воды поднялась деревянная лодка. Старая и потрепанная – казалось, она перевернется от малейшего движения. Лодка тихо стукнулась о берег – и застыла в ожидании.

Сидни шагнула в нее. Лодка, заскрипев и закачавшись у нее под ногами, двинулась по воде.

Сидни плыла стоя. Магия, приводившая лодку в движение, не распространилась на высушивание сидений, а ей не хотелось пользоваться своей магией там, где это может заметить Дом. А он заметит. Этот Дом замечал все.

Темнота перед ней стусилась и приняла форму Дома Теней. Низкий и потаенный, он распластался на воде, словно жаба – присел на островке, сложенном из костей и страдания, взгромоздившись на кусочке суши, которого не должно было существовать. Это место служило ей домом с того дня, когда ее отдали, сделав уплатой за другого, – и до того дня, когда она стала достаточно сильной, чтобы открыть его двери и выйти за них.

Сидни его ненавидела.

Лодка остановилась у его ступеней – и Сидни вошла внутрь.

Холод. Тот холод, что проникал сквозь подошвы и погружался в ее кости, причиняя им боль. Находясь в стенах Дома, она не могла пользоваться чарами, которых он не позволял, – если не сражаться с ним за это право. Сидни давно поняла, что эта борьба не сделает ее жизнь комфортной. Но ничего не просить у Дома стало вопросом ее гордости. Выпрямив спину и высоко подняв голову, она не позволяла себе дрожать. Никакой слабости.

Она не даст Дому ничего, кроме того, что он сам заберет, – а он и так забрал достаточно.

На стенах мерцали тусклые огни. Светлячки под водой, свечение под стеклом... Единственным звуком было глухое эхо ее шагов.

Дом мог бы сразу же привести ее к Шаре. Мог перестроить себя так, чтобы она попала в теплую, хорошо освещенную комнату. Мог сделать много такого, что облегчило бы Сидни жизнь.

Конечно, он мог и удержать ее здесь, за своими дверями, перестраивая себя в лабиринт до тех пор, пока она не рухнет замертво от истощения, мог открыть пол над узилищем и запечатать ее там – мог устроить сколько угодно других смертоносных неприятностей. Он мог бы заставить ее идти мимо тех комнат, где из менее удачливых обитателей Дома выкачивалась магия, мимо тех, кого используют и выбросят, кто уже никогда не освободится. Мог заставить ее слушать вопли, хрипы сорванных глоток, мольбы. Мог принести ей запахи крови и страха. Мог заставить стоять и наблюдать, снова видеть и чувствовать то, что ее заставили вынести.

Ее первыми воспоминаниями были эти комнаты. Призрачные шрамы пролегли по ее коже. Эхо давних воплей застревало в горле.

Она судорожно сглотнула. Долгая ходьба в темноте – это пустяк.

– Ты опоздала.

Голос Шары возник раньше света. Свет был водянисто-голубой, обжигающе холодный – тени в нем становились бритвенно-острыми. Дом сегодня был не в настроении.

Сидни ничего не ответила. Не важно, что она зажгла спички точно в назначенное время, не важно, что она опоздала из-за настроения Дома. Для пустой болтовни не время и не место.

– Надеюсь, в остальном ты сегодня не провалилась. – Лицо Шары было таким же мрачно-холодным, как и ее голос. Мертвенно-бледная от того, что всю жизнь проводит в Тенях,

она носила волосы распущенными и спутанными, словно средневековая колдунья, платье ее словно было соткано из теней, над которыми она властвовала. Глаза Шары были ярко-голубыми – два огня в темноте. Сидни ни разу не слышала от нее доброго слова. – Что можешь сообщить?

– Как было приказано, я заключила контракт с Домом на время этого Поворота, – ответила Сидни.

План существовал – и именно таким было его начало.

– Каким Домом?

Шара подошла ближе, а ее тень удлинилась. Тень мерцала в переменчивом свете, но края ее были ровными. Целыми.

– Лоран Бошан.

У Сидни ныли пальцы. Она чувствовала, как ее волосы покрываются инеем. Шара, конечно, выглядела совершенно безмятежно.

– Соищуший Дом. Интересный выбор.

Сидни хранила молчание. Если Шара желает услышать возражения, чтобы устроить Сидни за что-нибудь выволочку, она очень скоро даст это понять. Однако без повода Сидни не хотела говорить ничего, о чем потом придется жалеть. Существовали тайны, которые следовало хранить, даже здесь.

Особенно здесь.

– Хорошо. Продолжай действовать, как мы планировали. Сейчас на этом все.

Сидни развернулась на месте.

– Конечно, не считая контракта.

Голос Шары был хитрым и довольным – почти радостным, впервые за время этого разговора.

Не считая. Конечно.

Задолго перед тем, как связать себя контрактом, по которому она обязалась помочь Лорану добиться легитимности в глазах Невидимого Мира, основав свой Дом, Сидни заключила контракт с Домом Теней. И то, что этот контракт не был добровольным, ничего не меняло. Дом вел тщательный учет долгов. И ей свои еще долго выплачивать.

На столе подле Шары: ручка, контракт и нож с костяной рукояткой. Лезвие у него черное, как тень, кромка – острая и тонкая, как истина.

Шара взяла нож. Она собрала тень Сидни в горсть. Сидни ощутила, как мурашки поползли по коже, внутри же она испытала непреодолимую потребность содрогнуться и вытошнить все сразу.

Шара взмахнула ножом, отрезав столько, чтобы можно было свернуть внутри ручки и использовать как чернила. Разрез был ударом по уже оголенному нерву, солью на рану, ожогом души. Тут не было ничего нового – и ничего, что не случится снова, но в этом-то – в вечном и невыплаченном долге – и было самое гадкое.

Сидни заставила себя ни о чем не думать и, в который раз, поставила свою подпись. Так она заново подписывалась каждый раз, когда ее сюда призывали, и так будет подписываться снова и снова, пока жувльнические чаши весов не выровняются и она не станет свободной. Тени решат, когда именно это будет: Сидни даже не удавалось вести счет дням.

В тот день, когда она впервые подписала этот контракт, она думала, что со временем ритуал будет переноситься легче, боль станет слабее. Она ошибалась. Ну что ж, подумалось ей, – она хотя бы научилась унимать дрожь пальцев. Слезы пробились сквозь ее ресницы и замерзли на щеках.

– Тебя призовут снова, когда ты понадобишься, – и ты не будешь опаздывать, – сказала Шара. – Теперь все.

Сидни ушла не оглядываясь. Дом моментально открыл дверь на улицу – к полузатопленной лодке, которая доставила ее сюда по воде. Сидни застыла, с такой силой стиснув руки, что ногти пропороли ей ладони. Она сосредоточилась только на этих ярких, острых порезах, а не на свежей сочащейся ране на своей тени... ни на чем, кроме дерева и воды под ногами, на ночном ветерке, обвевающем лицо, – пока не оказалась на дальнем берегу, пока лодка не растворилась вновь в ночи и тенях.

Потом, на ходу, она позволила себе начать думать о собственных планах. О тех, которые начинались там же, где планы Теней, но вели к чему-то совершенно иному.

* * *

Глубоко в утробе Дома Теней Грейс Валентайн лежала в холодной темноте и ждала, чтобы кровь у нее на руках высохла. Она пошевелила пальцами и поморщилась, когда открылись незажившие порезы.

Кисти рук были хуже всего: боль задерживалась в них, словно магия. Плюс к этому порезы были напоминанием о том, как она вообще здесь оказалась – напоминанием, которое снова вызывало кровотечение, когда у нее сжимались кулаки, открывая все повреждения.

Тем не менее сегодня ей пришлось вытерпеть только разрезание рук. Похоже, в последние несколько... недель? месяцев?.. она толком не знала, как здесь идет время, даже когда Дом не изменял ее восприятия событий, чтобы ей было больнее... или даже больше... те периоды, когда у нее отнимали магию, когда ей причиняли боль, чтобы увеличить эту силу, сокращались – и она все больше времени проводила за узнаванием той магии, которая была присуща только Теням.

Конечно, это тоже было больно. Здесь все причиняло боль – иногда даже просто дыхание. Но эта боль была лучше: в ней была сила. Если она сможет освоить то, чему учат Тени, то сможет использовать эту магию, чтобы уйти.

Она слышала, что такое было – один раз, задолго до того, как ее спрятали здесь. Она почувствовала прошедшую по Дому дрожь, видела, как он кровоточил, когда еще кто-то сумел это сделать. Она берегла эту возможность в самом сердце, как самую темную тайну.

Спрятанная и забытая, Грейс Валентайн лежала во мраке Дома Теней. Пока у нее на руках высыхала кровь, она пересчитывала шрамы, чтобы заснуть. Ей снилось мщение.

* * *

Миранда сочла нужным лично проводить собеседования с кандидатами на роль защитника Дома Просперо. Эффектная магия – это, конечно, хорошо, и она обязательно потребует продемонстрировать способности перед тем, как принимать решение, однако главным было то, что защитник будет представлять Дом. Она хотела убедиться, что он Дому нравится.

А еще она хотела убедиться в том, что защитник способен будет внушить ей самой если не симпатию, то хотя бы уважение. Избранный ею кандидат и его магия будут представлять Просперо, станут лицом Дома. Силы, способности – это было важно, однако важен и характер, особенно потому, что решения защитника во время испытания являются окончательными. Всегда есть риск, что кто-то, чьи цели не полностью совпадают с ее собственными, сделает неудачный выбор или станет заботиться о себе самом. А когда испытания станут смертельно опасными, она будет рассчитывать, что этот кто-то, возможно, умрет ради Дома. Ей необходима была уверенность, что это будет сделано.

В качестве финальной подготовки к утренним собеседованиям Миранда собрала защитные чары, обмотала силу вокруг пальцев, а потом отправила в пустую бутылочку из-под чернил на хранение. Опрокинутая бутылочка запустит чары. Вряд ли ей понадобится к этому прибег-

нуть, но всегда есть вероятность, что кто-то начнет действовать против Дома Просперо еще до начала дуэлей. Лучше подготовиться.

Она еще раз обвела взглядом свой кабинет, проверяя, как разложены на столе предметы, насколько свежи цветы (только белые с зелеными акцентами и без сильного аромата), стоящие на боковом столике, отмечая, под каким углом падает у нее за спиной свет из окна. Передвинув нож для бумаг на пару миллиметров правее, она кивнула.

– Ладно, – обратилась она к Дому, – запускай первого кандидата.

– *Он добавился в ваше расписание позже.*

На самом деле Дом не говорил вслух. Став его Главой, Миранда установила систему зачарованных зеркал. Они были настроены на ее голос и присутствие, а если Дом хотел сказать ей что-то без предварительного обращения к нему, слова, возникающие на поверхности зеркала, сопровождалась тихим звоном. Никто из находящихся в комнате не увидел бы этих слов и не услышал звучания. Чары также позволяли ей отвечать Дому мысленно, тем самым в случае необходимости полностью обеспечивая тайну разговора.

Миранда приподняла бровь, отмечая вольность Дома. А потом в кабинет зашел Иэн Мерлин, и она передвинула левую руку так, чтобы та легла ладонью на крышку стола, рядом с наполненной магией бутылочкой.

– Мадам Просперо.

Он склонил голову ровно под тем углом, какого требовали правила вежливости. Оделся он тоже уместно: черный костюм, хорошего покроя, сдержанный. Такая деталь важна не всем, но ей это было важно – и она оценила его усилия.

– Иэн. Мы назначали встречу?

Она допустила в этот вопрос нотку легкого любопытства.

Он сложился в старинное кресло, словно нож.

– Я слышал, вашему Дому нужен защитник. Мне бы хотелось убедить вас, что им должен стать я.

Она уже имела возможность оценить его магию. Ей не нужно было требовать проверки его способностей: если и существует лучший маг, Миранда с ним еще не встречалась.

– Извините за озвучивание очевидного, но вы – наследник Дома Мерлина. – Конечно, это не означало, что ему нельзя представлять другой Дом, нельзя попытаться основать собственный Дом, но такое решение было редкостью. – И вы в последнее время в Невидимом Мире не появлялись. Я не ожидала увидеть вас здесь.

– Вы не потеряли свой дар преуменьшения, – сказал Иэн. – Вам следует знать, что я – не наследник Дома Мерлина. Уезжая, я отказался от всех прав. Мой отец не назвал наследницей мою сестру в надежде, что я передумаю, однако я таких намерений не имею.

– Ясно. – Миранда села прямее, обдумывая услышанное. Контракт с Иэном стал бы неожиданной удачей, однако она все еще не понимала, что он сам рассчитывает при этом получить. – И почему именно Дом Просперо? Почему не воспользоваться Поворотом и не попытаться создать свой собственный Дом?

– Мне не нравится устройство Невидимого Мира. Я бы хотел его изменить, а это проще сделать изнутри сильного, упрочившего свое положение Дома. К тому же мой отец вас не любит, а я настроен ему досадить. Помогая вам выиграть Поворот – отвоевать у него руководство Невидимым Миром, – я этого добьюсь. – Он чуть помолчал. – Извините за прямоту, но мне кажется, что лучше говорить откровенно.

Миранда побарабанила пальцами левой руки по столу. Такие резоны она понять могла.

– Мне тоже не слишком нравится Майлз, а еще меньше – то, как он ведет дела Невидимого Мира в эти последние тринадцать лет. Однако мне хочется знать, что именно я поддерживаю. Что конкретно вы надеетесь изменить?

– Связь с Домом Теней. Если вы меня наймете и если Дом Просперо в конце Поворота окажется у власти в Невидимом Мире, я хочу, чтобы вы одобрили ее прекращение. Вы ведь понимаете, почему мне нужна посторонняя поддержка.

Действительно: именно Дом Мерлина, прадед Иэна, основал Дом Теней, наложил чары, позволяющие членам Невидимого Мира пользоваться запасами собранной силы, использовать магию без вреда для себя, не считая одной жертвы от всего Дома за жизнь одного поколения. Хотя Колесо Фортуны и вращалось, Дом Мерлина с тех пор оставался у власти.

Миранда постаралась, чтобы ее голос прозвучал равнодушно:

– Полагаю, меня можно было бы убедить пойти на это. Вам нужно еще что-то?

– Нет, – ответил он. – Только поддержка и только в этом случае.

– Тогда я принимаю ваши условия, – сказала она. – У вас есть вопросы?

– Я видел имя Грея в списке соищущих Домов. Как мне вести себя с ним во время дуэли? Сам вопрос и тон, которым он был задан, были безупречно нейтральными.

Миранда и глазом не моргнула, услышав подтверждение участия Грея в Повороте. Именно этого она от него и ожидала.

– Если он бросит вызов Дому, реагируйте так, как этого требуют правила поединка.

Эти очень вежливые вопрос и ответ означали, что Иэн может убить Грея в поединке на смерть, если получит такой вызов. Иэн подождал мгновение. Когда Миранда больше ничего не добавила, он продолжил:

– Хорошо. Вам требуется демонстрация магии?

– Вы росли у меня на глазах, Иэн. Я вполне удовлетворена вашими магическими талантами. Я рада подписать с вами контракт, если вы готовы.

– Уже подписал. – Он улыбнулся и приподнял правую руку, раздвигая пальцы.

Верхний ящик ее стола открылся.

Она извлекла из ящика плотный лист бумаги. Стандартное соглашение с изменениями, учитывающими его условия оплаты. Его подпись внизу – с еще не просохшими чернилами.

– А если бы мы не пришли к соглашению?

– Он остался бы чистым, а я был бы разочарован.

Он запустил это заклинание, сидя напротив нее. Очень изящно: она этого даже не почувствовала. Миранда с улыбкой поставила свою подпись, уверившись, что ее Дом не только переживет этот Поворот Колеса, но и победит.

– Превосходно, – проговорила она. – Дом Просперо ценит ваши услуги.

– Полагаю, так будет и дальше.

Снова чуть склонив голову, он ушел.

Миранда, проводив его взглядом, услышала, как Дом закрыл за ним свои двери.

– Спасибо, – сказала она Дому. – Это обещает быть интересным.

Если у Дома и было какое-то мнение на этот счет, он им не поделился. Зеркало осталось чистым.

* * *

Харпер нажала «отправить» на своем обновленном резюме, повернула голову из стороны в сторону, так что шея хрустнула, а потом откинулась на спинку рабочего кресла. Закрыв глаза, она удержала равновесие кончиками пальцев ног, чуть не завалившись назад, а потом со вздохом вернула кресло в нормальное положение. Последние несколько месяцев она отслеживала деятельность так называемых отделов специальных проектов различных респектабельных юридических контор Нью-Йорка. На это ушло немало времени: эти подразделения обычно не упоминались на фирменных бланках. Наличие отдела специальных проектов почти всегда озна-

чало, что контора ведет юридические дела как минимум одного из великих Домов Невидимого мира. Оказалось, что маги тоже нуждаются в услугах юристов.

Работа в такой конторе, где почти наверняка будет по крайней мере один консультант-маг, была одним из возможных путей в Невидимый Мир – и этот путь, вроде бы, должен оказаться наиболее надежным. Пара контор из всех, кому она разослала свое резюме, следили за ее успехами во время обучения на юрфаке – еще когда она даже не слышала про Невидимый мир. Обе выразили радость по поводу ее обращения. Ближе к концу недели ей было назначено собеседование в третьей.

Чего бы это ни стоило, она туда проникнет. Ей надо исполнить свое обещание.

На стене над ее письменным столом висела рамка с фотографией Харпер и женщины, которая была ее лучшей подругой, Розой Морган. Они улыбались, забросив руки друг другу на плечи, их лица сияли. Это Роза научила ее зажигать свечу – она приоткрыла двери в Невидимый Мир и позволила Харпер туда заглянуть.

Два года назад кто-то ее убил – и именно Харпер обнаружила ее тело.

Она почти успела. Успела увидеть, как мужчина, чье лицо прятали тени, отступил от тела Розы, и руки у него были в крови. Успела увидеть, как он этими окровавленными руками вырезал в темноте дверь, шагнул в нее и исчез. Не стоит и говорить, что ей никто не поверил. К ней были добры, списали все на потрясение от вида убитой лучшей подруги – не приняли всерьез. Откровенно говоря, она это могла понять. Услышь она сама эту историю от кого-то – тоже не поверила бы.

Полиция никаких зацепок не нашла. Харпер на это и не надеялась: Роза говорила, уж что-что, а прятать тайны Невидимый Мир умеет лучше всех. И тогда Харпер решила, что сама найдет дорогу в этот мир.

Она найдет дорогу в этот мир и поймет, кто убил Розу, – и наконец отомстит за свою лучшую подругу.

Харпер прикоснулась к портрету Розы кончиками пальцев и снова повернулась к компьютеру. Введя пароль, она открыла запароленный файл, в котором хранила сведения о магии и магах. Она отметила место вчерашнего происшествия на карте. Роза говорила, что маги селятся в одних и тех же районах города, так что в результате возникали анклавные – магический аналог Улицы Миллиардеров. У Харпер не хватало точек, чтобы строить предположения, – пока не хватало. Большая часть ее отметок скопилась у Центрального парка, но в Центральный парк ходят все, так что она этот район слишком серьезно не рассматривала, однако она почти что... краем глаза... улавливала, как формируются закономерности.

Покончив с этим, она проверила свой автоматический поиск. Большинство из найденных результатов были ерундовыми, хотя нашлась ссылка на новую иллюзию Пенна и Теллера. Не совсем та магия, которую она ищет, однако она оставила закладку на потом. На них всегда интересно смотреть.

А потом – видео на Ютубе. Продолжительностью в двадцать семь секунд, выложенное с заголовком «С...кси Хогвартс». Скорее всего, пустышка – и почти наверняка она пожалеет, что его открыла, однако оно всего на двадцать семь секунд – да и не обязательно смотреть до конца, если это действительно окажется гадость.

Она запустила файл, а потом резко выпрямилась и развернула окно на весь экран. Вон там шпиль церкви Троицы – размытый, в правом углу.

Это был тот самый перекресток, на котором она была накануне.

Запись дернулась, мигнула... а потом... Она. Магесса, стоящая на перекрестке с летящими вокруг машинами.

Машины. Летят.

Даже в записи магия оказалась достаточно сильной, чтобы у Харпер заболела голова, однако она смотрела, снова и снова. Под головной болью бурлил адреналин, вспыхивали молнии в крови. Вот, вот это она и искала!

Машины. Летят. По воздуху, словно так и надо. Блин, невероятно! Она смотрела, почти не дыша.

А потом видео застыло. Зависло. Объявило, что перезагружается. У Харпер пропал интернет. Она поняла. Поняла, что это значит: поняла, что Невидимый Мир снова прячет свои тайны. Она обругала себя за то, что не сделала скриншот – тогда у нее хотя бы осталось изображение лица той женщины.

Когда интернет-связь возобновилась, видео исчезло.

Харпер снова откинулась в кресле и приказала себе рассуждать логически. Это же было просто видео, подтверждавшее то, что девушка и так знала, – магия существует. А Харпер приблизилась к ней настолько, что почти соприкоснулась с той, которая могла ее творить.

И все-таки. Она билась над этим уже два года и только сейчас подобралась хоть сколько-то близко. Она толком не понимала, что имела в виду подруга, говоря, что Невидимый Мир умеет хранить тайны, пока не попыталась поговорить с родителями Розы сразу после похорон. Хоть Харпер и бывала у них в доме пару раз на обедах, найти его без Розы не смогла. Нет, нужный адрес она нашла – но оказалась перед магазином «Эппл» в коммерческом районе, а не перед шикарным особняком в тихом квартале. Она набирала телефонные номера из контактов Розы – ей отвечал только белый шум.

Постепенно девушка поняла, что единственный способ найти того, кто ей поможет, – это лично столкнуться с кем-то из магов и прямо рассказать, что видела той ночью. Это видео было доказательством того, что ей это почти удалось.

Харпер потеряла глаза и передернула плечами, избавляясь от напряжения. А потом встала и пошла варить кофе. Ей еще надо просмотреть контракты.

* * *

Грей стоял на вытертом ковре в коридоре, тут воняло плесенью и вареной капустой. Взявшись за дверную ручку своей квартиры, он издал горловой звук, весьма похожий на шелчок. Металл под его пальцами похолодел, защита отключилась. Повернув ключ, он отпер дверь.

Войдя, он снова закрыл дверь на бесполезный цифровой замок и чуть менее бесполезную дверную цепочку, а потом снова вернул охранные чары, которые на самом деле нарушали условия аренды.

«У здания есть охранники, и вам их хватит. Мне надо заходить внутрь, если будет протечка или еще что», – сказал ему домовладелец.

Грей кивнул, подписал договор об аренде – и все равно установил личную защиту. Судя по взимаемой с него плате, охранникам домовладельца можно было доверять примерно так же, как дверной цепочке.

Сегодня он будет устанавливать второй слой личной защиты. Он воткнул в оконные рамы канцелярские кнопки, после чего протянул вдоль стекла тонкую проволоку, закрепляя ее на кнопках. Встав в центре квартиры, он захлопал ладошами в рваном ритме. В воздухе запахло горячим металлом.

Задохнувшись от вони, он протянул руки сквозь проволоку, чтобы открыть окна.

– Твою мать!

С тыльной стороны левой кисти содралась кожа, до крови. Слишком много усилий придется потратить, чтобы снять проволоку и заново установить чары: нужно позволить вони от магии смешаться со всеми остальными запахами дома. Через минуту – другую разница станет незаметной.

Он ненавидел эту дерьмовую квартирку с растрескавшимися полами, постоянно подтекающим унитазом и серьезной проблемой с тараканами. Как только Поворот завершится и он будет признан Домом, ноги его здесь не будет. Он постучал пальцами по куску разбитого зеркала на стене.

– Скоро.

Именно из-за этого зеркала Грей и установил дополнительную защиту, хоть личное жилище и должно быть неприкосновенным, не считая периода идущего поединка, – и он ни за что не согласился бы, чтобы кто-то увидел, где именно он живет. Даже Лоран никогда здесь не был – и сам Грей, уж конечно, не собирается вести поединок в этой крысиной норе.

Однако зеркало служило доказательством того, что при Повороте не все идет так, как планировалось, – напоминанием того, что у него украли. Кусок чар, которые легли не так – треснули и рассыпались. Один из крупных кусков отлетел к его отцу и мгновенно убил его. Меньший – тот, который Грей хранил эти тринадцать лет, – застрял у него в плече. Ему было двенадцать.

После травмы его магия так полностью и не восстановилась. Тем не менее он научился это компенсировать. Открыв шкафчик над плитой, он достал почти пустую стеклянную банку. В ней перекачивалась всего одна небольшая кость. Он вывалил кость в ступку, после чего произнес шершавую, полную согласных фразу. Воздух в комнате резко нагрелся, а кость рассыпалась пылью. Грей налил немного меда, чтобы связать частицы порошка, плеснул вина, чтобы скрыть вкус, а потом разбавил все водой, чтобы можно было выпить.

Костяной порошок все равно застрял у него в горле, да и на вкус напоминал скорее песок, чем сладость, однако в этом песке содержалась сила – магия, которая подкрепит его собственную.

Грей поставил ступку в мойку к грязной посуде. Скоро ему надо будет отправиться за пополнением своих запасов, но и этого на первое испытание хватит. А когда Поворот завершится – когда у него будет собственный Дом, а может даже и вся сила, накопленная Невидимым Миром, окажется в его распоряжении, – ему больше не придется прибегать к подобным ухищрениям. У него будет то, что всегда должно было ему принадлежать.

Глава 3

Майлз Мерлин, с гривой седых волос, носом, похожим на утес, и ярко-голубыми глазами, от которых ничто не могло укрыться, являлся в данный момент предводителем Невидимого Мира. Однако на него, как и на всех его членов, распространялось вращение Колеса Фортуны. Поворот грозил Дому Мерлина теми же опасностями, что и всем остальным Домам: потерей положения и власти, уравновешенной возможностью повысить свой престиж. Это была великолепная, приятная игра, в которой он участвовал с огромным наслаждением.

Хотя официально все строилось как ряд личных поединков, в которых один Дом – признанный или соищуший – выходил против другого, на самом деле Поворот к этому не сводился. Здесь присутствовали элементы стратегии: каким Домам следует бросить вызов пораньше, а какие стоит придержать до того момента, когда понадобится приглашение на смертный бой. И как только Поворот официально начинался, эти вопросы нельзя было решать в одиночестве. Будут заключаться союзы между Домами, будут даваться обещания на будущее, станут добиваться внимания неДомашних кандидатов. Однако сегодняшний вечер... был для тишины. Сегодняшний вечер отводится самостоятельному планированию.

Сидя во главе беломраморного кухонного стола и наслаждаясь стейком с картошкой, которые он собственноручно приготовил, Майлз Мерлин провел рукой по набору изображений на своем планшете. Все участвующие в Повороте должны были зарегистрироваться и официально назвать своего защитника. Он просматривал текущий список в поисках опасных точек. Это был его любимый этап Поворота – эти минуты перед его началом. Они ощущались, как только что сданные на руки карты: сплошные возможности.

Он победил в прошлый раз, снова обеспечив Дому Мерлина место на вершине Невидимого Мира, закрепив свою позицию в нем, так же, как и возможность влиять на события обычного мира. Он победил не потому, что был лучшим из магов: на этот счет он не позволял себе заблуждаться. А потому, что умел находить слабые места и их использовать. Потому, что был достаточно сообразителен, чтобы натравить опасные Дома друг на друга, а потом оставаться в стороне, пока пыль не осядет.

Однако новый Поворот пришел очень рано: с самым коротким перерывом за всю историю. Слишком рано. Все было беспокойно и зыбко, даже в его собственном Доме. Майлз рассчитывал, что к этому моменту Иэн уже попросит прощения, вернется. Он оттягивал момент объявления собственного защитника в надежде на это возвращение. И в результате он все еще ждет – когда остались считанные часы.

Майлз читал и ел, отрезая тончайшие ломтики стейка с кровью. Поворот – это не только возможность прямого усиления Дома Мерлина. Это и время действовать тонко. Подталкивать Невидимый Мир – как прямо, так и косвенно – в избранных им направлениях. В списке были люди, которые ему в этом помогут, кое-кто даже добровольно. Он делал заметки, подчеркивал имена, тасовал свои карты и свои стратегии.

Одна строка заставила его задуматься. Лоран Бошан нанял чужака. Странно это. Магия, исходящая не от Домов, уже была чем-то необычным, но когда этих людей двое, когда они находят друг друга и сотрудничают, это еще более странно. Он съел еще кусок, запив его глотком превосходного бургундского. Если эта пара пройдет первый круг, за ней стоит проследить. Любой новый источник магии заслуживает того, чтобы не выпускать его из вида – возможно, даже искать с ним сближения. А если сблизиться не получится, тогда новую магию лучше не подпускать к Невидимому Миру. В конце концов, существует такая вещь, как общепринятые нормы.

Мерлин открыл следующую страницу – и чуть не подавился. Ему пришлось выплюнуть недожеванный кусок мяса в салфетку. Он положил вилку и нож. Снова посмотрел на экран.

Кривя губы, оттолкнул тарелку подальше. Отказавшись от своего наследия и пропав на долгие годы – вернуться вот так! Приползти побитым псом и жрать объедки у Миранды Просперо.

Майлз прижал ладонь к животу. От этой новости у него началось несварение.

И все-таки Иэн – умный мальчик. Наконец-то пережив свой приступ вздорной обиды, вернувшись в Невидимый Мир, он пожалеет о своем решении, о глупом поводе к разрыву с семьей. И как только это произойдет, будет полезно получить в его лице союзника внутри Дома Просперо. Во время поединков решения защитников окончательны. А если Иэн по-прежнему не пожелает образумиться, будет не трудно им манипулировать, добившись желаемого Майлзом результата. Его сын всегда был слишком мягкосердечен.

Мерлин сделал себе пометку: утром за завтраком сообщить своей дочери, Ларе, что она станет защитником вместо ее брата. Несмотря на все свои недостатки, Иэн любит сестру – и не станет ей вредить. И хотя Лара тоже привязана к брату, она лишена такого недостатка, как мягкосердечие. А это значит, что так или иначе Дом Мерлина сможет победить Дом Просперо в поединке на смерть. Это будет очень полезно для его позиции при Повороте.

Так. Ему уже гораздо лучше. Пожалуй, можно съесть десерт.

* * *

Охранные чары Иэна активировались, как только за ним закрылась и заперлась дверь. Известие о новом защитнике Дома Просперо распространится достаточно быстро – если уже не распространилось. Его отец придет в ярость, а желающих добиться расположения Майлза Мерлина очень много.

Очень легко устроить так, чтобы какие-то чары случайно вырвались из-под контроля, какое-то применение магии получило непредвиденное и «ах, какое трагичное» последствие. Это же Поворот: несчастные случаи не только происходят – их ожидают, а если уж кто-то и знает, как им поспособствовать, то это его отец. У Майлза, наверное, уже есть список, готовый и ранжированный, тех людей, к которым можно обратиться за помощью в решении проблемы с непокорным сыном.

Иэн сделал себе сэндвич с капрезе и, взяв ноутбук, ушел в сад на крыше, где можно было сидеть высоко над городом в окружении увядающих, последних цветов лета и смотреть вниз, на зеленеющий и цветущий Центральный парк. Ему видны были тени, льнущие друг к другу у водоема. Отсюда было непонятно, что они такое – однако так было даже тогда, когда он стоял на берегу. Дом Теней умел скрываться. Однако Иэн знал, что Тени находятся там, пусть и невидимые, – их присутствие было злобным. Этот Дом вообще не должен был возникнуть – и существует уже слишком долго.

Он переставил кресло так, чтобы Тени остались у него за спиной.

Поев, он открыл не слишком полный файл по единственному магу, которого не знает: защитнице Лорана Бошана, Сидни. Фамилии нет. Видео он начал снимать уже после запуска чар, так что нельзя было посмотреть, как она их создает. Однако ее непринужденная поза и властная точность движений были просто невероятными.

Он остановил запись, увеличил изображение. Она даже не вспотела.

Иэн ничего про нее не знал. Она не проходила ни через один Дом, не посещала известные школы – однако явно прошла обучение. А это означало, что она, скорее всего, Тень. Что было интересно. Он не слышал, чтобы кому-то из них в последнее время удалось выйти – даже от Береники. Возможно, Сидни пряталась, выжидала – и только сейчас дала о себе знать. Неожиданность – это тоже оружие, не хуже всех других.

Но кто бы она ни была, откуда бы ни появилась, ей вряд ли удастся долго оставаться загадкой. Иэн еще раз просмотрел видеозапись. Он никогда ни с кем похожим не сталкивался.

Он просмотрел список объявленных поединков. Ему хотелось лично увидеть, как она творит магию. Хотелось ее увидеть. Любого, кто способен на такую магию, как она, стоит узнать – желательно до того, как они окажутся друг против друга на дуэли.

Иэн закрыл ноут и откинулся в кресле. Воздух казался тяжелым, наэлектризованным. Приближается гроза. Он готов.

* * *

– Я бы предпочел, – сказал Лоран, – не бросать прямого вызова Грею.

Сидни повернулась к нему со своего насеста на подоконнике, откуда можно было любоваться расстилающимся внизу городом. Пентхаус Лорана поднимался в небо гораздо выше ее собственной квартирки на седьмом этаже – и после давящего мрака Теней она наслаждалась высотой и открытым пространством. Такое количество неба у нее под ногами вызывало ликование. Солнечный свет, простор – сплошные возможности.

– Для этого есть какая-то причина? – спросила она.

Шара снабдила ее файлами, личными историями и основными сведениями касательно всех крупных игроков Невидимого Мира – всех, с кем Сидни могла бы столкнуться – и данными об их связях друг с другом. Она знала, что эти двое мужчин – друзья. Однако отношения никогда не сводятся к фактам из файлов.

Лоран пожал плечами, подбирая слова:

– Он мой лучший друг. Может, это и звучит нелепо, когда тут полно друзей и родственников, конкурирующих друг с другом, но он был первым, кто сказал мне, что я маг. И он с тех пор всегда мне помогал.

– Вы тоже росли не здесь?

Она опять-таки знала ответ, но ей хотелось услышать его от Лорана.

– Здесь – в смысле в городе? Конечно. Здесь – в смысле в Невидимом Мире? Совсем нет! Я уже переходил в старшие классы, когда заметил, что мне везет больше, чем положено, особенно если я вслух говорил, чего бы мне хотелось. То есть очень долго я просто думал, что поверье: бросить в фонтан монетку и загадать желание – действительно помогает.

Улыбка осветила его лицо.

– И как же вы все-таки догадались?

Любопытство было искренним. Для Сидни не существовало такого времени, когда она не воспринимала свою магию так же естественно, как собственную кожу. Магия всегда была ее сутью.

– Я пожелал познакомиться с волшебником. И на следующее утро проснулся с сильнейшим желанием – словно с зудом в голове – пойти в отдел редких книг в Нью-Йоркскую публичную библиотеку. Кроме Грея там никого не было: он поставил на зал защиту, которую нельзя было бы преодолеть не-магу. Когда я это сделал, он очень сердечно объяснил мне, что «волшебник» – неправильное слово.

– Очень сердечно, – повторила Сидни, слезая с подоконника, чтобы налить себе еще апельсинового фреша. Их встреча была назначена на завтрак – и Лоран приготовил весьма щедрое угощение. – Не сомневаюсь.

– Ну, сердечность бывает разная. Но все растолковал мне именно он, так что я перестал считать себя таким странным. А потом, когда я решил, что хочу окунуться во все это (на что ушло, типа, секунд пять, потому что покажите мне четырнадцатилетнего мальчишку, который не хочет быть магом), именно он познакомил меня с другими, позаботился, чтобы мне не пришлось обедать одному, когда я начал ходить со всеми ними в школу. Благодаря ему я почувствовал себя на своем месте.

– Ну, хорошо. Вы ведь знаете, что я более сильный маг, чем он.

Она пока не видела, как Грей плетет чары, но ей этого и не требовалась. Она знала, кто такая она, на что она способна. Ее не тревожил тот, кто полз по жизни с магическими способностями на слабую троечку.

– Знаю. И если дело так повернется, то не стану просить вас медлить или сдерживаться, но... он мне вроде как родной. Так что мне бы хотелось обойтись без этого. – Лоран пожал плечами. – Понимаете, в лучшем случае вы выбьете его из соревнования – и тогда я окажусь виноватым в том, что отнял у него желаемое. А ему этого действительно хочется: он начал готовиться к Повороту с того момента, как Миранда лишила его наследства.

– А если поединка избежать не удастся?

Ни один Дом не был обязан бросать вызов другому, и в начале Поворота, пока дуэли не шли до смерти, от поединков можно было отказываться – хотя последствия для отказавшегося Дома были тяжелыми. Общее количество Домов обычно оставалось одним и тем же – в последние три Поворота их было тринадцать – а в этом Повороте конкурировало двадцать семь признанных и соищущих Домов, так что на первых этапах занятые места будут важны.

А потом важно будет выжить.

Лоран протяжно вздохнул.

– Пожалуйста, обойдитесь без смерти.

Она кивнула. Опять-таки, на первых этапах это будет достаточно просто. Поединки были ступенчатыми: на первых шла демонстрация магических способностей, тонкостей, изысков. Смерть одного из сражающихся считалась допустимой, если обе стороны заранее это обговорили, но только на финальном этапе она становилась обязательной. Сидни была уверена, что к этому моменту Грей вылетит из списка участников. А если этого не произойдет... ну что ж: она обсудит это с Лораном уже тогда.

– Конечно. Как я уже сказала, я сильнее его. Есть ли еще кто-то, к кому мне следует относиться сходным образом?

– Нет. На войне как на войне, да?

– Что-то вроде того, – согласилась Сидни. – Как мы начинаем?

– Я вызвал Дом Ди, – ответил Лоран. – Он старинный и по традиции достаточно значимый, так что победа над ними произведет хороший эффект. Они достаточно сильны магически, чтобы победа стала предупреждением всем, кто сочтет меня легкой добычей.

Это был хороший ход – она сама предложила бы именно такой, и именно по этим же причинам.

– Вы можете предложить какой-то предпочтительный метод?

– Я предоставлю это на ваше усмотрение.

Сидни улыбнулась.

* * *

По дороге домой в серых осенних сумерках Сидни задумалась, есть ли в ее жизни кто-то, чью дружбу она ценила так же, как Лоран ценил дружбу Грея – кто-то, ради кого она могла бы пожертвовать своими целями.

В первое время пребывания в Доме Теней можно было думать только о выживании. Она и слова «дружба»-то не знала, тем более не испытывала все то, что включает в себя это понятие. Взрослея, Сидни все яснее понимала: она способна взять все, чем Тени пытались ее сломить, и преобразовать в свою силу, – и тогда ее изолировали еще более надежно, полностью отделив от других жертв. Те были кормом. Она станет фениксом, созданным, чтобы восстать из пепла.

А феникс штука одинокая.

По тротуару ее обогнала компания девчонок, жмущихся друг к другу, словно связанных тайной. Смеющиеся, улыбающиеся. Сунувшие руки друг другу в карманы, закинувшие руки

друг другу на плечи. Запрокинутые головы, спокойные лица. Никто не осторожничает, никто не напряжен. Воздух между ними был мягким и проницаемым, словно каждая из них могла бы проскользнуть в жизнь другой и отдохнуть там, в полной безопасности.

Они были такие красивые, такие счастливые, что больно было смотреть – и потому Сидни отвернулась и зашагала быстрее, громко простучав каблуками по тротуару, обгоняя их тесную группу.

Если дружба означает вот такое – то нет. У Сидни ее никогда не было.

* * *

В темном тихом уголке Центрального парка, который стал еще темнее и тише благодаря разумно наложенным чарам, Грей, стоя над трупом, скривился на эту пакость.

Даже живой девчонка была не слишком симпатичной. Не то чтобы это имело значение. Грею была важна не ее внешность. Он выбрал ее – сидел рядом с ней в баре, покупал один коктейль за другим, притворялся, будто ему интересны ее слова, чтобы она подалась ближе, взяла его за руку, ушла с ним – из-за крошечной капли магии, которая текла у нее в крови. Ровно столько, чтобы быть частью Невидимого Мира, однако отнюдь не важной.

Собственный горький опыт подсказал ему, что бывает проще, если у них мало магии. Они пытались сопротивляться, когда понимали, что именно Грей делает, – и чем больше магии у них было, тем труднее было с ними справиться.

Первая девица – та, из-за которой Миранда лишила его наследства, – у нее оказалось неожиданно много магии. Она не сдалась. Вырвалась. Рассказала другим. Были последствия. Достаточно неприятные, так что он выжидал почти год, прежде чем повторить попытку.

Эта не сопротивлялась. Она навалилась на него, пьяная и улыбающаяся, когда он поцеловал ее в парке. Хихикала и дергала пряжку на его ремне, пока он уводил ее в темноту, где им не помешали бы. Недоуменно заморгала, когда его пальцы сомкнулись на ее шее, когда он произнес слова, которые сгустили темноту вокруг, пряча их. И пока ритуал требовал, чтобы она продолжала дышать, эти слова не позволяли ей умереть или пошевелиться. Теперь, по завершении ритуала, она стала намного менее симпатичной.

Он опустился на колени рядом с ней и ножом взрезал кожу на кистях ее рук. После этого запустил пальцы во все еще теплую кровь и мышцы и извлек косточки из пальцев, снова используя нож, чтобы перерезать сухожилия. Магия обычно сосредотачивалась в этих костях, потому что именно руки так часто используются для фокусировки чар. Последняя косточка большого пальца отделилась с громким хлопком. Пустая плоть плюхнулась на землю. Кровь и грязь заляпали ему ботинки и отвороты брюк.

– Твою мать!

Он в раздражении попытался отряхнуть одежду, сильнее размазывая пятна по ткани. Ну и пусть. Все равно темно. Никто ничего не увидит. Он сможет отстирать их дома – или выбросить, если понадобится.

Закончив сбор костей, он спрятал их в пакет, который запихнул в карман куртки, а потом стиснул опустевшие пальцы девицы, убеждаясь, то не пропустил ни одной. Он был почти уверен, что этот материал даст ему достаточно силы до того момента, когда поединки станут идти на смерть. Надо будет посмотреть, как все пойдет: он не любит оставаться без запасов.

Хотя... запасы всегда можно пополнить. Он узнал и еще одну вещь: всегда найдется очередная девица, которой никто не хватится.

Он прорезал в воздухе дверь и шагнул в нее, оставив мертвую девицу позади.

Глава 4

Первое воспоминание, которое Сидни позволила себе сохранить, – о том, как она учится магии: первые заклинания, обучение которым она запомнила, дарили тишину. После них были чары помрачения сознания и преломления – то, что могло имитировать невидимость, заставляя других отводить взгляд, не видеть, игнорировать, забывать. Истинная невидимость пришла позднее, но все равно довольно-таки рано.

Только после этого, после того, как она заучила названия девяти свойств и тринадцати степеней молчания, когда научилась окутываться тенями, или вкладываться в стену, или вступать в дерево, закрываясь сзади корой, – только тогда Сидни стала учиться другим видам магии. И она всегда, всегда пользовалась ею одновременно с теми чарами, которые должны были ее спрятать, сделать не просто невидимой, а полностью исчезнувшей. Невидимый Мир гордился своей неразличимостью; Дом Теней был лишь слухом о его тайнах. Даже после того, как Сидни ушла от Теней, ее держали в тайне, прятали – не позволяли показаться до Поворота.

Сегодня Сидни собиралась быть увиденной.

Поворот всегда начинался приемом. Он служил предлогом для того, чтобы заставить Дома и соискателей собраться вместе в момент вооруженного перемирия. Первая дуэль состоится именно на этом приеме, но традиция требовала, чтобы он был скорее дружеским соперничеством. Зрелищем, а не злобой. Ложным выпадом, чтобы определить силу возможных соперников.

Сидни ложные выпады не признавала.

Она вошла на территорию Дома Ди в платье цвета свежeproлитой крови; ее губы были накрашены в тот же тон. И на нее не то чтобы не оборачивались, пока она шла по мраморными полам, не то чтобы ничьи взгляды не следили за изгибом ее запястья, когда она выхватывала бокал шампанского с проплывавшего мимо подноса. Просто в этих взглядах было не больше внимания, чем уделили бы любой другой красивой женщине. Пока ее это устраивало. Доказывало, что на этом этапе она со своими задачами справляется. Достаточно скоро она станет центром всеобщего внимания.

Дом Ди по своему архитектурному решению был старинным и изысканным: именно такая обстановка должна напоминать всем, что он и его обитатели находятся здесь уже немалое время. Источая силу и богатство, его интерьеры оставались теплыми и причудливыми. Свет отражался от хрустальных бокалов и люстр. Он сиял на обоях чудесной текстуры и цвета, он согревал восковую полировку мебели. В воздухе витал аромат старинных устоев и традиций.

Улыбаясь, с бокалом в руке Сидни шла через толпу, остановившись рядом с беседующими, чтобы подслушать, как сливки Невидимого Мира в смокингах и вечерних туалетах, надев на лица маски светскости, сплетничают о ней.

– Какое-то ничтожество – и представляет Дом-выскачку. Можете себе представить, раз он нанял кого-то со стороны? С такой магией он дальше сегодняшнего вечера не пойдет.

– Бошан из богатой семьи, так ведь? И дружит с этим пареньком Просперо. Казалось бы, мог найти что-то получше.

– Вспомните: он уже не Просперо. Миранда его выставила, стерла его имя из родословной. В этом Повороте он тоже выскачка.

– Да что вы говорите! И что сделает Миранда?

– Убьет, наверное. Она наняла Иэна Мерлина.

Это имя производило сильное впечатление: по залу моментально пробежал шепоток. Сидни вернула недопитый бокал на поднос. Это осложнит дело. Бывший наследник одного Дома, ставший союзником главного соперника собственного отца. За Иэном Мерлином следовало внимательно наблюдать и без этого, потому что Дом Мерлина связан с Тенями – и еще

потому, что он был одним из немногих магов, чья сила заставляла Сидни считать его опасным соперником. И вот теперь он стал еще интереснее.

Шаре стоит узнать про такой поворот событий – и Сидни придется пересмотреть свою тактику, однако об этом необходимо будет подумать позже, не сейчас. Сейчас ей надо сосредоточиться на личных моментах.

Она продолжила движение среди собравшихся, выискивая Миранду Просперо.

Вот она.

Прямая и элегантная, темные волосы с одной заметной седой прядью. По слухам, этот участок ее шевелюры поседел мгновенно во время предыдущего Поворота – в ночь, когда был убит ее муж, – и навсегда остался знаком ее горя. Бриллианты поблескивали на мочках ее ушей, льдинками сверкали на руках. Она источала властность.

Сидни шагнула назад, выходя из поля зрения Миранды. Чем позже состоится это знакомство, тем лучше.

Элизабет Ди вышла в центр зала, чтобы официально открыть Поворот.

– Спасибо всем, кто присоединился к нам для проведения первой дуэли и празднования вращения Колеса Фортуны.

Сидни позволила речи течь мимо, не слушая постоянных упоминаний Колеса Фортуны и слащавых описаний Поворота как события, благодаря которому Невидимым Миром управляют самые сильные, самые талантливые маги. Что бы ни происходило во время Поворота (а в индивидуальных поединках магическая сила и способности действительно могут решать их исход), но поиск самых сильных и талантливых магов определенно не был его предназначением.

Она снова собралась, когда Элизабет произнесла слова, которыми официально начиналась дуэль:

– Дом Ди принимает вызов соищущего Дома Бошан.

Вид заклинаний был оговорен заранее, как часть брошенного и принятого вызова. Сегодня это было влияние. Будучи вызываемым Домом, Ди имел право выбирать: чаровать первым или вторым. Не так уж важно на столь раннем этапе, когда все ожидают просто разминку, брошенную всем перчатку, однако позднее это будет иметь значение. Увидев выбор противника, всегда можно изменить свои чары, делая их более яркими или красивыми, подбирая лучший ответ. Сидни знала, что Ди пожелает стать первым, ведь они уверены: наемная заместительница соищущего Дома ничего собой не представляет и опасаться ее не следует.

Ей незачем корректировать свой ответ. Она прекрасно знает, что ей здесь надо сделать.

Дом Ди гордился тем, что выставляет в качестве защитника кого-то из своих. Не наследника, конечно, – безответственность ни к чему, – но ее младшего брата. Брайс Ди вышел в центр зала, снял смокинг, вынул запонки и закатал рукава рубашки. Сидни улыбнулась уголками губ. Ему не следовало устраивать шоу, если это было все, чем он мог похвастать.

Брайс поднял руки и прищурился – и все официанты как один подняли серебряные подносы с напитками над головой. Они посмотрели направо, налево... притопнули ногами. Брайс отправил их между присутствующими, словно хорошо слаженный танцевальный ансамбль.

Дуэль заключалась во влиянии. Чары были уместными. Умелыми. Они смотрелись достаточно ярко, все эти четкие движения и звонкие шаги, – и Брайс удачно придумал использовать обслугу: одинаковые ливреи смотрелись очень хорошо, – однако под внешним лоском ничего не было. Плюс к тому, у Брайса дрожали руки, а рубашка под мышками взмокла от пота. Слишком большое видимое усилие для столь простых чар.

Сидни видела, что другие маги тоже это заметили. Миранда Просперо даже не потрудилась скрыть свое презрение.

Право же, ему не следовало снимать смокинг.

Аплодировали завершившему свой выход Брайсу из вежливости.

– Претендент, представитель соищушего Дома Бошан.

Сидни не стала выступать вперед, а просто поджала три пальца левой руки – мизинец, безымянный и средний – и сделала кистью четверть оборота.

Невидимая скрипка заиграла вальс.

Сидни задействовала правую руку, согнув пальцы под острыми углами. Дважды пристукнув левым каблуком по полу, она произнесла слово, отпирающее заготовленное заранее заклинание.

Все собравшиеся члены Невидимого Мира повернулись к тому, кто стоял рядом с ними, и, встав в пару, начали танцевать.

Все, кроме Сидни, которая с улыбкой наблюдала, как маги выписывают выбранные ею фигуры, – и мужчины, подошедшему к ней через зал. Темноволосый, с резкими чертами лица, со свернувшейся под кожей магией. Иэн Мерлин. Интересно, что на него не подействовало влияние чар. Она подготовила их очень тщательно.

– Похоже, – сказал он, – вам нужен кавалер.

Сидни встретила с ним взглядом.

– Да мне и одной хорошо.

– Когда чары закончатся, вас будут не так сильно ненавидеть, если вы тоже потанцуете.

– А какое вам дело, – поинтересовалась она, – если меня станут ненавидеть?

– Потому что вы кажетесь интересной.

Он протянул ей обе руки.

– Ну, неплохой довод.

Сидни шагнула ближе и позволила Иэну вести ее в танце, точно подражая зачарованным магам. Он танцевал хорошо: грациозно и уверенно. Она ощущала тепло от его тела сквозь ткань смокинга и от его руки, лежащей на ее обнаженной спине.

– Они будут в ярости, – сказал Иэн, оглядывая танцующих магов.

– Большинство из них, – согласилась Сидни. – А еще поймут, что со мной лучше не шутить. Они меня увидят: меня и мою магию.

– А почему это важно? – спросил Иэн. – Мне кажется, вы из тех женщин, которых постоянно замечают.

– Замечают, – ответила она, – это совсем не то же, что видят.

Чуть шевельнув пальцами левой руки на плече у Иэна, Сидни завершила действие чар.

Она не удостоила вниманием затихающую музыку и потрясенное молчание зала, сменяющееся шепотом, переходящим в шум.

– Не хотите отсюда уйти?

Иэн принял протянутую руку:

– Ваша магия – это единственное, ради чего я сюда пришел.

– Надеюсь, она этого стоила.

– И даже очень.

Когда они вышли на улицу, Сидни остановилась:

– Чтобы все было ясно: я позвала вас уйти со мной, потому что хочу затащить вас в постель. Как вам это?

Иэн шумно вздохнул.

– Нравится. Очень.

Она улыбнулась и остановила такси.

* * *

Сидни выскользнула из постели Иэна и бесшумно прошла в ванную дальше по коридору, закрыв за собой дверь. Она привалилась спиной к холодному кафелю стены. Откат от магии нельзя откладывать до бесконечности, а ее чары были серьезными. Пора платить.

Ее бросало то в холод, то в жар, трясло так, что суставы заболели. Кровь капала у нее из носа и затекала в глотку. Протянув руку, она открыла кран, чтобы ни единого звука ее слабости не просочилось сквозь стены.

Она набрала в легкие воздух. Позволила боли расширяться, наполнить ее кожу, слиться с дыханием и костями, пока та не стала тупой, пока пульсация магии не сравнялась с ноющей болью от стертых ног (на пятке вздулась мозоль) и гораздо более приятным тянущим чувством в бедрах, оставленным соитием. Одно из болевых ощущений среди многих. Только и всего. Она не допустит большего.

Ей вспомнился Брайс Ди, вспотевший от магических усилий – при его возможности черпать из резервуара магии. Ей представилось, как он мирно спит, с уже заплаченной ценой.

Она была среди тех, кто платил... и теперь она платит за себя сама.

– Сидни?

Голос Иэна, сонный и теплый, донесся из спальни. Она выключила воду. Есть гораздо более приятные способы отвлечься.

* * *

Позднее Сидни пошла домой пешком, за тридцать семь кварталов, на шпильках. Она отвергла предложение Иэна вызвать такси:

– Я люблю ночь.

Воздух остужал ее разгоревшиеся щеки, а расстояние было достаточно большим, чтобы она вновь обрела привычную устойчивость – после столь масштабных чар и их отката. Боль превратилась всего лишь в фоновый шум, но остатки магии продолжали гореть у нее в крови, пока она шла мимо тепла и света ресторанов и баров, мимо чудесно оформленных магазинов. Проходя мимо них, она чуть замедлила шаги, любясь нарядными витринами, цветами и узорами – словно волшебная наркотическая сказка, разукрашенная по последней моде. Она жаждала вот такой красоты: броской и странной. Такой, какой должна быть магия.

Шесть месяцев тринадцать дней. Столько времени она провела вне Дома Теней. Не на свободе – пока нет. Но вне. В это становилось все легче поверить: на прошлой неделе она целый день провела, не возвращаясь мыслями к тому, что вдруг именно сегодня Шара передумает, заставит ее вернуться навсегда, закрыв все двери. Да, подобное было невозможно: ее магия уже однажды вскрыла эти двери – и сможет сделать это снова. Тем не менее существовал такой тип ужаса, которому не было дела до реальности: страх, прячущийся в глубине ее сознания, пожирающий ее изнутри. Сильнее всего он рвал ее по ночам – и это ей тоже было ненавистно. Однако она провела вне Теней уже достаточно времени, чтобы спать почти всю ночь напролет – почти каждую ночь. Конечно, кошмары еще оставались, но постепенно все становилось легче.

Легче, да. Но не безопаснее. И свободы не было.

Пока не было.

В первую ночь, проведенную вне Теней, она не спала вообще. Даже не пыталась. Вместо этого она провела всю ночь (со все еще истекающей мраком собственной тенью после первого глубокого разреза, необходимого, чтобы подписать ее имя на контракте, обозначить масштаб ее долга перед Домом), стоя снаружи, наблюдая за звездами и представляя себе, что будет делать, когда по-настоящему заслужит свободу.

Она представляла себе, как нацарапает грязное ругательство на той плотной серой бумаге, как разобьет пузырек, в котором ее тень превращается в чернила, как сломает ручку... Представляла себе, как вонзает эту ручку Шаре в сердце, или в горло, или в какое-то еще нежное и уязвимое место. Представляла себе тысячу разных ощущений этой свободы. Именно тогда она и начала придумывать способ добиться ее как можно скорее.

Сейчас по ночам, когда ей не спалось, она не считала овец – она представляла себе спичку и горящий контракт. Засыпая, она видела перед собой поднимающиеся в воздух струйки дыма.

Рядом с ней притормозило такси, но она взмахом руки велела шоферу уезжать.

– Вы уверены, леди? Туфли на вас – просто убийцы.

– И я тоже! – бросила она в ответ.

Окно закрылось, и машина стремительно уехала.

Ее пульс почти пришел в норму, мышцы потеплели и расслабились. Оставшееся бурление магии задержалось только болью в кистях рук. Она была довольна своими чарами – довольна этой ночью в целом. Колесо Фортуны вращается – и она позаботится о том, чтобы с ним изменился Невидимый Мир. Сегодня этому было положено хорошее начало.

Дом. Сидни прошла по пустому вестибюлю к лифту. Она не сняла свои туфли-убийцы, пока не зашла к себе в квартиру. Никакой слабости – даже здесь. Дома она сбросила туфли и платье, переодевшись в черные легинсы и футболку большого размера, на секунду замерла, ориентируясь и успокаиваясь. В ногах кровати свернуты одеяла, накрытые покрывалом с вышитыми звездами. В буфете стояли стаканы роскошных оттенков синего: ведь даже стаканы могут быть прекрасными, так почему бы им такими не быть? Диван с темно-красной велюровой обивкой и скульптурные листья: медь, бронза и латунь – на стене над ним. Ее собственная прекрасная витрина, мечта, превращенная в реальность.

Успокоившись, она сварила себе кофе. У нее не было желания видеть кошмары – да и дела еще оставались.

* * *

Результаты Лоран получил на следующее утро, незадолго до того, как они стали известны всему Невидимому Миру. Привилегия победителя. Сидни подумала, что скорее это следовало называть последними спокойными моментами перед тем, как она станет ходячей мишенью. Однако такое выговаривать пришлось бы чуть дольше. Не то чтобы она жаловалась: именно этого она и хотела добиться.

Электронное письмо возникло у него на экране в соответствии с теми же техномагическими протоколами, по которым пришло уведомление о Повороте. Чары были шедевром коллективной магии. Полностью анонимное голосование присутствовавших магов, очки, рассчитанные по таблице, за сами чары, и еще одно заклинание, которое должно было выявить отклонения в использовании магии. Это была та же магия, что управляла всеми аспектами Поворота – и ни один Дом по отдельности не в состоянии был ее отменить. Экран мерцал, почти переливался.

– Мы победили! – объявил Лоран, разворачиваясь в рабочем кресле, чтобы улыбнуться ей.

Его радость была настолько явной, что Сидни ухмыльнулась в ответ.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Я бы сильно удивилась, будь это не так.

– Жаль, что я не мог этого сам увидеть. Слышал, вы были великолепны.

Его даже не пригласили на вечер Дома Ди, где прошел поединок, который он инициировал. Дом Ди был очень избирателен относительно тех, кого было должно считать достойными членами Невидимого Мира. Они постарались донести до Лорана, что чужаки, которые даже

не родились в Невидимом Мире и имели нахальство решить, будто достойны права основать Дом, в списки их гостей не войдут.

– Они – снобы. – Сидни пожала плечами, выражая этим движением свое презрение ко всему Невидимому Миру. – Однако снобы, признающие силу. Думаю, с этого момента вас будут приглашать всюду.

– Вы усилили свои охранные контуры, приняли все меры предосторожности? – спросил Лоран. – Я слышал, что во время этих штук происходят неслучайные несчастные случаи. Мне бы не хотелось, чтобы с вами произошло что-то подобное.

Она улыбнулась.

– Даже вы не знаете, где я живу. Все будет хорошо.

– Я серьезно. Не хочу показаться параноиком, но у меня есть деньги. Много денег. Если выбор стоит между арендной платой или вашей безопасностью, то знайте: я сочту вашу безопасность частью деловых расходов. Покупайте все, что вам может понадобиться – и я возмещу затраты, или дайте мне знать, что вам нужно, – и я позабочусь, чтобы это у вас было.

– Я помню, сколько вы мне платите за то, что я вас представляю, Лоран. И мы сейчас сидим в апартаментах с пятью спальнями в Верхнем Ист-Сайде. То, что у вас есть деньги, – не секрет.

– Сидни!

Лоран выглядел настолько встревоженным, что Сидни поверила в его искренность.

– Если моя личная безопасность будет связана с непосильными для меня расходами, я дам вам знать. Но не сомневайтесь: мне хочется дойти до самого конца. Я не собираюсь умирать – ни случайно, ни на дуэли. Цель – добиться того, чтобы вы по окончании всего этого стали основателем Дома, а для этого мне надо остаться в живых. Я приняла меры предосторожности, и я в этом разбираюсь.

Он еще какое-то время пристально на нее смотрел, но потом кивнул:

– Ладно.

– Ну, и какой наш следующий шаг? – спросила она.

– Я уже над этим думал. И моей первой мыслью было нацелиться именно сейчас на сильные Дома, – сказал Лоран. – Убрать их с дороги до того, как произойдут перемены и дуэли будут идти до смерти одного из участников.

– А второй? – поинтересовалась Сидни.

– Что стратегия должна быть тоньше. Если Дом сильный, это еще не значит, что у него сильный защитник. Многие старые Дома слишком обособлены, чтобы нанимать защитника, и от этого страдает их магия. Так что я намерен продвигаться вперед несколько иначе.

– По-моему, это разумно, – согласилась Сидни. – Дом Ди – один из старейших и влиятельных Домов, однако чары у Брайса были просто смехотворными. Если вас интересует мое мнение...

Лоран кивнул:

– Конечно.

– У вас есть время. Посмотрите, что будет происходить на этом этапе, и только потом решайте, кого вызывать в следующем. Наблюдайте за результатами, за видами использованных заклинаний, за тем, кто выходит из борьбы. Союзы между Домами также будут меняться. Ваш телефон уже несколько раз пищал, пока мы разговариваем... Думаю, что немалая часть сообщений – от глав Домов или других защитников, с приглашениями на коктейли, обеды, вечера, где они смогли бы побольше узнать о том, кто вы такой, и совпадают ли ваши взгляды на магию с их собственными.

Лоран посмотрел на экран своего телефона, пролистал сообщения, кивнул.

– Да, вот они, ожидаемые хитрости. Но не рано ли им интересоваться моими взглядами на магию?

– На самом деле – нет. После вчерашнего их волнует не только станете ли вы Домом. А что может стать с магией, если вы победите.

– Например что? Я заставлю всех платить за право ею пользоваться?

Он со смехом отмахнулся от такой идеи.

– Дело в том, что вы могли бы. Победитель Поворота возглавляет Невидимый Мир. Если им станете вы, то у вас будет право решать, как применяется магия и кто сможет ею пользоваться. Вы пришли со стороны: может, вы будете заинтересованы в открытости. Некоторые Дома сочтут, что это отлично. Другим эта мысль будет настолько противна, что им захочется, чтобы вы сами себя представляли, и тогда вас можно было бы убить, когда начнутся поединки до смерти.

Его передернуло.

– Но если люди обнаружат, что ваши мысли совпадают с их собственными и что вы можете поработать вместо них во время поединков, выбивая из состязания тех, кто думает иначе, тогда, возможно, они решат, что лучше вас поддержать, а не бросать вам вызов.

Не все Дома встречались друг с другом в поединках. Поворот не был предназначен для того, чтобы выжечь землю Невидимого Мира, – только чтобы немного его встряхнуть. Некоторые союзы должны остаться союзами. Судя по тому, что она успела увидеть, Лоран умел мыслить стратегически. И если он сосредоточится именно на этом, у нее будет время подумать о дальнейших действиях в связи с тем, что Иэн Мерлин находится в Доме Просперо, и стоит ли рассказывать обо всем этом Шаре. Теперь кое-какие ее собственные планы нуждались в коррекции.

Лоран оперся на столешницу.

– Майлз Мерлин был у руля все то время, которое я пробыл здесь. И о Невидимом Мире, магии и всем этом я знаю только то, как это устроил он. Это, вероятно, наведет кого-то на мысль, что я буду рад сохранить статус кво... и, честно говоря, сейчас я согласен, чтобы они так и думали.

– Но?.. – уточнила Сидни.

– Меня называют чужаком. Словно это титул, только позорный. Потому что я не родился в каком-то из Домов. Вчера Дом Ди даже не пустил меня на порог – и никто не встал на мою защиту. Я – единственный из состязающихся в этом Повороте, чья кожа темнее белой, – и готов поставить все деньги на своем банковском счете до последнего доллара, чтобы стать первым темнокожим, которого назовут Домом. Я хочу получить власть. Не буду делать вид, будто это не так. Но существует еще одна причина, по которой я в это ввязался. Есть такие ребята, каким был я, – и они тоже должны оказаться здесь. Пусть я не могу открыть для них весь Невидимый Мир, я могу открыть мой собственный Дом и дать им место. Так что, конечно, я пока подожду и посмотрю, а когда все станет яснее, стану решать, кого вызывать следующим.

– Ладно, хорошо, – сказала она. – И еще об одном я прошу вас подумать: что делать с Греем.

– Я же говорил...

Она оборвала его:

– Я помню, что вы говорили. Чтобы я его не трогала. Я не прошу это изменить, но вам стоит помнить, что в какой-то момент дуэли будут на смерть. А сразиться с Домом или соискателем можно всего один раз.

– Так что было бы лучше сделать это пораньше и попробовать выбить его, чем отложить на потом и, возможно, убить. – Лорана это заметно огорчало. – Мне это не нравится, но я понял. Я об этом подумаю. Я больше ничего не обещаю, но я об этом подумаю.

– На большее я и не рассчитывала, – отозвалась Сидни, хотя на самом деле это было не так. Ей хотелось навести его на мысли о том, что в результате его собственного успеха вызов может сделать Грей – и как самому Лорану следует поступать в этом случае, но, похоже, для

такого разговора время еще не настало. – Сообщите мне о следующем вызове, когда решите, кому его сделаете.

* * *

Когда создавался Дом Теней, было использовано немало разных заклинаний. Одно из таких заклинаний выглядело как ангел.

Ангел Вод, венчавший фонтан Бетесды, окруженный красным кирпичом Бетесда-Террас в Центральном парке. Шагающий вперед, с раскинутыми крыльями и протянутыми руками, с лилией в одной из них. Сидни стояла лицом к воркующим голубям, усевшимся рядом на крыльях скульптуры.

Скульптура сама по себе не была магической. Она стояла тут и до создания Теней: была поставлена в честь чистой воды, как символ свежести и непорочности. Когда Сидни об этом узнала, то просто пришла в бешенство: после того, как скульптурой завладели чары, создавшие Тени, управляющие исходящей оттуда магией, она уже не была ничем подобным.

Будь это изображение связано с чем-то помимо Теней, Сидни считала бы его прекрасным. Однако зная, что оно собой представляет, – даже когда заходящее солнце подкрашивало нежной акварелью небо и облака позади него, – она едва могла заставить себя на него смотреть.

Тем не менее, чтобы разрушить заклинание, необходимо было знать, как оно работает. А для этого мало было просто смотреть на эту скульптуру.

Сидни обошла вокруг фонтана так, чтобы он все время оставался в ее поле зрения. Тени окутывали его плотнее, чем что бы то ни было в этом парке, но эффект был едва различимым. Фотограф или художник – человек, работающий со светом, – мог бы это заметить, однако большинство простаков вряд ли что-то уловили бы. Эта магия была очень хорошо скрыта.

Она произнесла слово, чтобы закутаться в воздух, словно в плащ. Его слоги разбивались и падали тихим дождем. Она вытянула руки в зеркальном отображении скульптуры и потянулась вглубь магии, заключенной внутри.

Темная медь и тлен, ощущение свернувшейся крови между пальцев: именно это она и ожидала обнаружить. Магия Теней. С ней она знакома. Ее она может разрушить.

Она вдохнула, выдохнула – и погрузилась глубже.

Магия обвилась вокруг нее, словно канаты, словно колючая проволока, – удерживая, дергая, впиваясь когтями. Жадная. Еще какое-то заклинание, вплетенное в магию Теней. Еще какое-то заклинание, пытающееся вытянуть магию из нее. Пальцы стискивали ее сердце, шарили внутри.

Сидни выдавливала слова сквозь сжатые губы, рассекая воздух, разрывая связь с магией, которая текла в Ангеле. Она выдохнула проклятье. Следы того, второго, поискового заклинания остались привкусом желчи на языке. Боль, тупая и тянущая, затаилась под ребрами.

Она прищурилась и снова обошла фонтан, на этот раз – в противоположном направлении. Возможно, Шара знает про эти вторые чары. Что это – еще одна проверка? Сможет ли Сидни их обнаружить? Расскажет ли об этом, если да? Однако в инструкциях, которые давала ей Шара, – в планах Теней – скульптура не фигурировала.

Возможно и такое, что Шаре не известно про это второе заклинание... и это следовало обдумать.

Ходили слухи (Сидни сама слышала: в своей первый месяц вне Теней она училась жить в обычном мире, а во второй – старалась как можно больше узнать о Невидимом Мире), что с магией происходит что-то не то. Крошечные чары не удавались, или требовали нового наложения, или получались не совсем такими, как задумывались. Лишь слухи, но их было достаточно, чтобы она уверилась: в этих перешептываниях таится истина.

Шара ничего про такое не говорила.

Что было вполне понятно, если проблема действительно заключалась в заклинании, закреплённом в Ангеле. Магия, выходящая из Теней, будет нормальная, а потом, здесь... Сидни взяла себя в руки и снова потянулась внутрь, на этот раз осторожнее, чтобы замереть прямо перед этой жадной, скрытой сущностью. Достаточно близко, чтобы ощутить таящуюся под ней пустоту.

Что бы это ни было, но именно здесь все искажается.

* * *

Лоран встречался с Греем три раза в неделю, рано утром, для пробежки в Центральном парке вокруг водохранилища. Грей увлекся здоровым образом жизни года три назад: говорил, что хорошая физическая форма поможет сделать их магию сильнее, здоровый дух в здоровом теле и все такое. У Грея постоянно возникали идеи насчет того, что можно сделать, чтобы улучшить свою магию, сделать ее сильнее. Часть из них была немного странная, но бег ему показался достаточно безобидным, и хоть про раннее утро он бы так не сказал – Лоран приходил и бегал.

Они задавали достаточно умеренную скорость, чтобы можно было разговаривать.

– Как прошел твой первый поединок? – спросил Лоран.

– Неплохо. Тоже соискатель, какой-то троюродный или сводный брат из семьи Морганов, пожелавший основать собственный Дом. За что-то разозлился на Миранду и решил отыграться на мне. Кстати, мне станет намного проще, когда все наконец поймут: ей наплевать, если я проиграю. Но магию и место выбирал я – и применил чары развертывающейся карты, так что победил.

– Славно. Что будешь делать дальше?

– Хочешь украсть мою стратегию? – Грей рассмеялся. – Собираюсь вызвать один из великих Домов. Показать, что к чему. Победа продемонстрирует всем, что со мной шутить не надо. А ты?

– Сначала стратегия. Встречи. Разговоры за рюмкой. Всякие предварительные переговоры, а уже потом буду решать. Ты и сам знаешь.

– На самом деле – нет, – сказал Грей. Они пробежали мимо обрывков желтой ленты, ограждавшей место преступления. – Меня на такие никто не приглашал.

Лоран попытался заглядеть свой промах. Грею всегда нравилось ощущать себя в гуще событий.

– Ну, наверное, все решили, будто знают тебя достаточно хорошо, чтобы действовать напрямую. Ты ведь здесь родился, а я чужак, если ты не забыл.

– Верно, – согласился Грей, глядя через плечо на черный провал между деревьев. – Конечно, все дело в этом.

– Что там произошло? – спросил Лоран, кивком указывая на темный промежуток между деревьями.

– Слишком плохо видно, не могу сказать, – ответил Грей и пробежал несколько шагов спиной вперед, чтобы лучше рассмотреть место преступления, однако им видна была только потрепанная оградительная лента.

– Ты не слышал про ту женщину, которую убили и забрали у нее все кости из кистей рук? Может, именно здесь ее нашли.

– Ха, – отозвался Грей. – Может, и так.

– Жуть, да? Непонятно, кому надо красть кости из пальцев? Дрянной сюжетец в духе взрослого издания братьев Гримм.

– Похоже на то, – согласился Грей, разворачиваясь нормально.

– И возвращаясь к стратегии, у тебя советов не будет? – спросил Лоран. – Кому мне доверять и все такое?

По лицу Грея он понял, что задал правильный вопрос.

– Трудно ошибиться, следуя за победителем, – сказал Грей.

– Ты о Мерлине?

– Это старейший дом. Такая история – это власть и репутация. К тому же Майлз знает все секреты, все, что происходит.

– А мне казалось, твоя семья его ненавидит.

– Его ненавидит Миранда. Для меня это очко в его пользу.

Лоран рассмеялся.

Они закончили круг и перешли на шаг.

– И еще одно, – сказал Лоран. – Я подумал, что было бы разумно бросить вызов друг другу сейчас, пока все еще идет спокойно.

Грей закашлялся и сплюнул на землю.

– Какого хрена! Спокойно? Если у тебя слишком много проигрышей, ты не проходишь дальше. Один из нас может выбить другого. Забудь.

– Забыл. – Лоран приложился к своей бутылке с водой. – Вообще все так дико.

– Дико или нет, но тебе стоит принять решение поскорее и прекратить выдавать вот такие дерьмовые идеи. – Грей хлопнул друга по плечу и повернул к своей станции метро. – Колесо Фортуны вращается!

Лоран стоял на месте, пока прохладный ветер не высушил его влажную от пота кожу. Колесо Фортуны действительно вращается – и не всегда оставляет людей наверху. Иногда оно проезжает прямо по ним. Стряхнув оцепенение, он зашагал домой.

* * *

– Мне сегодня ничего не было, Генри? – спросила Сидни, войдя в вестибюль своего дома.

– Было, мисс.

Остановившись, она удивленно приподняла бровь. Сидни очень редко заказывала что-то с доставкой. Ее адрес был известен только двоим, и она сомневалась, что Шара станет пользоваться почтовой системой, так что вопрос она задала скорее по привычке, не ожидая утвердительного ответа.

– Вообще-то это не что-то, а кто-то, мисс. Она сказала, что вы не предупреждены о ее визите, так что она сядет здесь и подождет.

Сидни перенесла центр тяжести на пятки. Она определенно не ждала гостей. Ее охранные чары не были потревожены, но не все неприятности создаются магически. Защитить Генри будет проще, если она окажется ближе к нему.

– Она?

– Точно, мисс. Вон там.

Статная седовласая женщина была одета во все черное, идеально подогнанное по фигуре. Помада у нее была такой же яркой, как у Сидни, и хотя время оставило следы на ее коже, власть и красота впитались в ее плоть и кровь. Она поднялась со стула с царственным величием.

– Привет, Сидни. Я – Береника Тенебри.

Сидни знала это имя. Так вот почему ее охранные контуры, настроенные на тех, кто пользуется магией, исходящей от Теней, не сработали.

– Спасибо, Генри. Все хорошо. – Он кивнул в знак того, что ее услышал, и Сидни подошла к ожидавшей ее женщине. Лево́й рукой она сформировала малую тишину, чтобы их разговора никто не услышал. – Тенебри. Вы та другая Тень, которая выбралась?

– Совершенно верно. – Женщина наклонила голову. – Приятно познакомиться. Я надеялась, что мы сможем поговорить.

Вблизи признаки происхождения Береники стали явными. Сидни видела их сама в каждом зеркале: то, как Береника держится, линия ее позвоночника, настороженность взгляда. Магия, подходившая к поверхности ближе, чем у тех, кому никогда не приходилось служить источником для других. Неровные края ее тени.

– В полутора кварталах отсюда есть очень хорошая кондитерская – если вы не против пешей прогулки.

– Обожаю шоколадные бриоши. А вам не хочется пускать меня к себе в квартиру, но сказать об этом было бы недипломатично. Я вас понимаю.

Сидни промолчала, потому что все было верно. Ей не хотелось, чтобы Береника оказалась у нее в квартире. Когда она уходила, Шара велела ей найти Беренику, пояснив, что та поможет ей ориентироваться в Невидимом Мире. Сидни вообще мало кому доверяла, а уж тем, кого рекомендует Шара, – и того меньше. Так что сама она Беренику не разыскивала, и хотя появлению ее не удивилась, особенной радости от него не испытала.

По дороге она наблюдала за пожилой женщиной, но та ничем себя не выдавала. Впрочем, обратное было бы по-настоящему странным. Уж что-что, а Тени давали отличную подготовку.

Когда они расположились за столиком – Береника заказала пирожное и горячий шоколад к нему, а Сидни ограничилась макаронами с розой и фиалкой, – Береника сказала:

– Мой долг уплачен. Полностью. Тени не имеют рычагов воздействия на меня, а я к этому месту благодарности не питаю. – Последние слова были горьки, словно морская соль. – Я здесь сама по себе, потому что вы мне любопытны, а не потому, что Шара послала меня шпионить.

– Во мне нет ничего особенно любопытного, – отозвалась Сидни.

– Сорок лет, – промолвила Береника, помешивая шоколад.

– Что, простите?

– Я ушла от Теней сорок лет назад. Вы еще даже не родились. Никто до меня и никто между мной и вами из тех дверей не выходил. Мы с вами прекрасно знаем, что вынесли остальные, находясь там. Ложная скромность нам не к лицу.

Тут она посмотрела на Сидни в упор.

– Хорошо. Тогда скажите, как я могу удовлетворить ваше любопытство.

Береника улыбнулась.

– А вы мне нравитесь. Такая четкость. Такая осмотрительность. Такое сходство со мной прежней. Хотя вы стремитесь к большему, по-моему. Нет, не перебивайте. Я понимаю, вам не по себе из-за того, что мне о вас известно, и вы предпочли бы сейчас здесь не сидеть. Вам хочется возразить, переменить тему, попытаться окутаться еще одним слоем чар «не замечайте меня». Готова спорить, что вы не поставили защиту от чужих ушей на наш разговор, только потому, что не хотите, чтобы он был важным. Но глаз у меня наметан, и я скажу то, что думаю. Я думаю, что вы вышли из Теней и сотрудничаете с этим привлекательным молодым человеком, потому что так вам велели Тени: заключить контракт с кем-нибудь, если не конкретно с ним, и потому что Шара и Дом будут отрезать от вас кусочки... медленно, если вы будете делать, что вам велено, и быстрее, если не будете. А еще я думаю, что вы делаете что-то кроме этого. Мне так кажется не просто потому, что вы были бы менее осторожны в разговоре со мной, если бы вам нечего было скрывать от Шары. А ведь она, скорее всего, велела вам меня найти, заранее зная, что вы ни за что не станете этого делать, а ей хотелось лишить вас союзника.

Сидни вопросительно приподняла бровь, и хотя никакого ответа на ее лице прочесть было невозможно, внутри себя она понимала: именно так Шара и поступила бы.

Береника продолжила:

– Я бы еще раз повторила, что нахожусь здесь не по ее указанию, что не разговаривала с ней с тех пор, как расплатилась по контракту, но не рассчитываю, что вы мне поверите. Я

бы на вашем месте не поверила. Однако я знаю, как вы отфильтровали свои чары воздействия во время первого поединка: вы настроили их так, чтобы они действовали только на тех магов, которые расплачиваются с помощью магии Теней. Я думаю, что, возможно, вы искали союзников.

И это было близко – очень близко к истине. Сидни настроила заклинание именно так, хотя ее целью был подсчет врагов, а не поиск союзников. Ей хотелось посмотреть, насколько глубоко влияние Теней, представить себе, какой силы будет огонь, когда она поднесет спичку. Похоже, тут придется устроить настоящий пожар.

– Есть еще какие-то соображения?

– Я думаю, вы используете Поворот как способ выступить против Теней, и я хочу вам помочь.

Руки Береники лежали на столе так, чтобы Сидни их видела. Конечно, магу необязательно использовать руки для заклинаний, но столь явная их демонстрация и неподвижность были знаком отсутствия магии.

И тут Сидни все-таки защитила их разговор, обмакнув палец в чай и стремительно начертив символ на поверхности стола.

– Если предположить, что сказанное вами – правда, то почему вы решили участвовать? Идти против Теней рискованно. Даже опасно. Если вы в стороне – вы защищены, – сказала Сидни особо подчеркивая последнее слово.

Пусть она и не доверяет Беренике, она никого не хотела бы отправить Шаре в лапы.

Лицо Береники изменилось – и Сидни смогла увидеть те долгие годы и боль, которые проложили на нем морщины.

– Я открыла двери Дома, когда мне было тридцать три. Он держал меня на контракте еще десять лет. И все эти десять лет, а потом еще тридцать после них, я жила в Невидимом Мире и знала, что происходит в Тенях. Знала, что не могу это прекратить или изменить. Одна – не могу. Вот почему.

Сидни обвела взглядом элегантную кондитерскую: кремовые с позолотой стены, обслуга в черно-белых униформах, фартуки с кружевной оторочкой. Она вдохнула ароматы сахара и сливочного масла, корицы и шоколада – и подумала о том, насколько они обе далеко ушли от того, с чего начинали.

Она еще раз посмотрела на тень Береники. Разрывы, выхваченные куски, истрепанные края. Намного хуже ее собственной – а ведь боль от ее собственной, когда она позволяла себе в ней признаться, была непрерывным воплем содранной кожи, открытых ран. Бальзамом для этой боли, для таящейся под ней ярости, была мысль о том, что она сможет это изменить. Прекратить это. Добиться того, что больше никого не станут ломать и резать на куски, облегчая другим использование магии.

Сидни еще как-то поняла бы существование Теней, если бы этим дело не ограничивалось. Если бы использование поступающей от них магии могло служить какой-то поддержкой, если бы это позволяло людям становиться более сильными магами. Вот только исходящая от Теней магия не давала дополнительных сил. Она всего лишь упрощала жизнь, потому что всегда имелся резервуар, которым маги пользовались для своих чар, и защищала пользователей от последствий применения заклинаний, потому что вместо них за это уже расплатился кто-то другой.

Сидни была в числе этих «каких-то других» в течение первых двадцати пяти лет своей жизни, и Береника тоже, еще и на восемь лет дольше. Она почувствовала внутреннюю дрожь. Она обязана дать Беренике эту возможность, даже если та рискует своей безопасностью. Бывают такие моменты, когда безопасность не важна. И ей не обязательно доверять Беренике, чтобы ею воспользоваться.

– Хорошо, – сказала Сидни. – Договорились.

Береника кивнула.

– Дадите мне знать, когда решите, чем я смогу быть полезна.

– Есть одна вещь... – сказала Сидни. Для начала можно задать тот вопрос, который ей рекомендовала Шара. Тогда, даже если окажется, что Береника доверия не заслуживает, ущерб не будет. – Кого мне больше всех надо опасаться?

– Майлза Мерлина. – Береника даже не раздумывала над ответом. – Он уже в ярости из-за того, что его сын не желает пользоваться магией Теней. Он ненавидит меня, ведь именно я показала Иэну, что это не обязательно делать. И как только Майлз узнает, кто вы и откуда, он на вас нападет. Поначалу он будет действовать тонко, но не делайте ошибки, решив, будто он не опасен. Он воспримет угрозу Теням как угрозу собственной власти – и это ему не понравится.

– Так это вы учили Иэна? – уточнила Сидни. Она на секунду удивилась, но потом поняла, что это логично. Кто-то ведь должен был это сделать, а вариантов крайне мало. – Он хорош?

– Очень.

– Тогда еще одно, – сказала Сидни. – Вы что-нибудь слышали про свои магии?

– Немного, – ответила Береника. – Ничего конкретного.

– Пожалуйста, сообщите мне, если услышите. Это могло бы оказаться полезным, если бы я действительно планировала что-то из того, что вы предположили.

Ее слова были достаточно неконкретными, оставляя ей возможность истолковать их в свою пользу, если они дойдут до Шары.

Береника уже собралась уходить, но помедлила.

– Сидни. Спасибо вам.

– В конце концов вы, возможно, не захотите меня благодарить, – отозвалась Сидни.

– Если конец концов будет означать конец Теней – захочу.

* * *

На следующий день Сидни отправила Беренике цветы. Дань вежливости, и только.

Если не считать того, что под этим подразумевалось – того, что Беренике наверняка будет понятно: и ее тоже можно разыскать. А еще в букет были вплетены чары, которые заставили бы цветы мгновенно увянуть, если бы у Береники в доме были следы магии, исходящей от Теней, если бы она действительно была связана с Шарой. И второе заклинание, настроенное таким образом, чтобы, не обнаружив магию Теней, цветы раскрывались чрезвычайно пышно и ярко, демонстрируя явные признаки подозрительности.

Береника улыбнулась и отправила ответный букет. На карточке было написано: «Пусть наша дружба, как эти цветы, никогда не увянет». В надпись были вплетены ее собственные чары. Обязательство верности, не позволяющее ей направлять магию против Сидни.

Сидни держала карточку в руке. Существовали способы – всегда существуют способы – обойти такое обязательство. Береника запросто может воздействовать на Сидни не напрямую, а причиняя вред кому-то другому, чтобы надавить на нее. Однако этот неожиданный жест был убедительным подтверждением того, что она больше не связана с Шарой или Тенями и что она действительно выручит Сидни, если той понадобится помощь.

Неплохое начало.

Глава 5

Бар был простоват – слишком неудобно расположенный для служащих-финансистов и недостаточно стильный для хипстеров. Уютный, с деревянной отделкой цвета карамели, теплой медью и старинным красным кирпичом. Блондинка, расположившаяся у дальнего края барной стойки в строгом, идеально подогнанном по фигуре платье, казалась более элегантной, чем само заведение, но она обменивалась шутками с барменом и болтала с официанткой о том, как приняли на выставке работу ее сестры.

– Ты действительно здесь завсегдагай.

Сидни устроилась на табурете рядом с Мэдисон и заказала сухой мартины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.